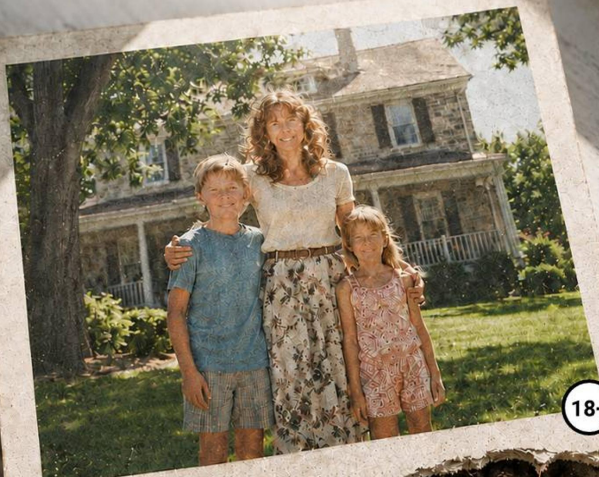

НАТАЛИ МОРОУ

ТЕБЯ ЗДЕСЬ

НИКТО НЕ НАЙДЁТ

18+

Натали Морроу

Тебя здесь никто не найдёт

<https://litres.ru/74353723>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ханна и Оуэн Коул покупают старый дом на Хоторн-лейн, надеясь, что худшее, что скрывается под его полами, — плесень и чужой отвратительный вкус. Но во время ремонта под корнями чёрного ореха находят останки двух детей.

Находка приводит полицию к семье, бесследно исчезнувшей тридцать пять лет назад. Тогда все решили, что мать просто забрала детей и начала новую жизнь. Теперь эта версия рассыпается вместе с землёй над их могилой.

Пока детектив Айрис Белл поднимает старые дела, Ханна получает фотографии собственной дочери, кто-то проникает в дом, ничего не украв, а люди, десятилетиями спасавшие чужие семьи, начинают слишком пристально следить за расследованием.

Тридцать пять лет назад одной женщине пообещали безопасное место.

Теперь Ханне предстоит понять, почему из него никто не вышел — и зачем этот дом продали именно ей.

Содержание

ПРОЛОГ	4
ГЛАВА 1. Дом из объявления	8
ГЛАВА 2. КОРНИ	27
ГЛАВА 3. ДВОЕ	56
ГЛАВА 4. ХОРОШИЕ ЛЮДИ	83
ГЛАВА 5. ТРИ КЛЮЧА	111
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Натали Морроу

Тебя здесь никто не найдёт

ПРОЛОГ

Мальчика разбудила тишина.

Он не сразу открыл глаза. Сначала лежал и слушал. За стеной не кашляла мама, сестра не шуршала простынёй, в старых трубах не гудела вода. Даже часы внизу будто остановились. Хотя, может, это у него в голове всё плыло после яблочного сока. Сок был слишком сладкий и оставил на языке горький привкус, как таблетка, которую плохо растолкли.

Он сел на кровати и подождал, пока комната перестанет медленно заваливаться вправо. Голова была тяжёлая, ноги ватные. На соседнем матрасе спала сестра, свернувшись калачиком поверх покрывала. Она не сняла носки. Мама обычно сердилась, когда сестра ложилась в одежде, но сегодня не пришла и не сказала ни слова.

Они жили здесь третий день.

Мама сказала, что это ненадолго. Что нужно вести себя тихо, не подходить к окнам и никому не звонить. Особенно отцу. Потом женщина, которая впустила их в дом, обняла маму прямо в прихожей и сказала:

— Он тебя здесь не найдёт.

Мама тогда заплакала. Не так, как плакала дома, беззвучно, отвернувшись к раковине. Здесь она уткнулась лицом женщине в плечо и разревелась по-настоящему, с мокрым носом и судорожными вдохами. Мальчику стало неловко. Он отвёл глаза и увидел, как мужчина у лестницы поворачивает ключ в замке входной двери.

Теперь дверь детской была приоткрыта.

Мальчик спустил ноги на пол. Доски оказались холодными. Он добрался до коридора, держась ладонью за стену, и прислушался.

Снизу донёсся голос.

— Я сказала, что справлюсь.

Говорила женщина. Тихо, но зло. Совсем не так, как при маме.

Мужчина ответил ещё тише. Слов мальчик не разобрал. Потом снизу дважды глухо стукнуло.

Он вернулся в комнату и тронул сестру за плечо.

— Проснись.

Она не шевельнулась.

— Эй.

Он потряс сильнее. Голова сестры безвольно качнулась на подушке, рот приоткрылся. Она дышала, но разбудить её не получилось.

Мальчик выпрямился. Сердце вдруг застучало быстро, а тело всё ещё слушалось плохо. Он вышел в коридор и пошёл к лестнице.

На нижнем этаже горела одна лампа. Свет лежал на полу узким жёлтым прямоугольником. В кухне говорили уже оба, но слов всё равно было не разобрать. Мальчик спустился на три ступеньки, потом ещё на одну. Перила под ладонью были гладкими и липкими от полироли.

У двери в подвал стояла мамина туфля.

Только одна.

Он смотрел на неё несколько секунд, пытаясь придумать нормальное объяснение. Мама могла снять туфли. Могла уронить одну. Могла пойти вниз босиком, потому что там стиральная машина или банки, или ещё какая-нибудь взрослая ерунда.

Но на каблуке была тёмная полоса. Не грязь. Грязь не блестела.

Мальчик спустился ещё на ступеньку.

Кухонная дверь открылась.

Женщина вышла первой. На ней был светлый домашний халат, тот самый, в котором она утром жарила оладьи и смеялась, когда сестра пролила молоко. Волосы были собраны на затылке. В одной руке она держала связку из трёх старых ключей, в другой — моток красной нити.

Увидев мальчика, она остановилась.

— Ты почему не спишь?

Он показал на туфлю.

— Где мама?

Женщина не посмотрела на туфлю. Её взгляд скользнул

мальчику за спину.

Старая ступенька скрипнула.

Мальчик обернулся. Ещё секунду назад мужчина был в кухне. Теперь он стоял наверху лестницы и загораживал дорогу к комнате.

— Она устала, — сказала женщина. — Твоя мама очень устала.

— Я хочу к ней.

— Конечно.

Женщина улыбнулась и поднялась на первую ступеньку. Потом на вторую. Красная нить свисала между её пальцами почти до пола.

— Но сначала тебе нужно немного поспать.

Мальчик попятился. Мужчина положил руку ему на плечо. Не больно. От этого стало страшнее.

— Вы сказали, что он нас не найдёт.

Женщина поднялась ещё на одну ступеньку и оказалась совсем близко. От неё пахло лавандовым мылом и чем-то железным.

— Не найдёт, — ответила она. — Я обещала.

Мальчик посмотрел на мамину туфлю у двери в подвал.

Она их не прятала. Она заперла их здесь.

ГЛАВА 1. Дом из объявления

Дом в объявлении был светлее. Ханна заметила это ещё из машины, пока Оуэн пытался задним ходом пропустить фургон грузчиков на узкой Хоторн-лейн. На фотографиях каменный фасад выглядел почти белым, окна — высокими, сад — ухоженным. В реальности дом был серым, тяжёлым и слегка перекошенным. Фотограф просто знал, куда не направлять камеру.

— Левее, — сказала Ханна.

— Я и так левее.

— Тогда твоё левее сейчас снесёт почтовый ящик.

— Я вижу почтовый ящик.

Снаружи раздался протяжный сигнал. Водитель фургона высунулся из окна и показал Оуэну что-то рукой. Судя по лицу, ничего доброжелательного.

С заднего сиденья подала голос Сэди:

— Мне кажется, он сказал папе «добро пожаловать».

— Мне кажется, там было другое слово, — ответила Ханна.

— Я знаю. Я просто не хочу начинать новую жизнь с мата.

Оуэн всё-таки вырулил к обочине, заглушил двигатель и несколько секунд сидел, вцепившись в руль. На виске у него блестел пот. Август в Пенсильвании был влажным и липким; утренний дождь закончился час назад, но воздух остался та-

ким, будто город накрыли мокрым полотенцем.

— Новая жизнь официально началась, — сказал он. — Я уже ненавижу нашу улицу.

— Зато почтовый ящик жив.

— Пока.

Ханна вышла из машины.

Через дорогу сосед косил сырую после дождя траву. Мотор то взывал, то глох.

Отсюда дом выглядел ещё больше. Два этажа, мансарда, широкое крыльцо, четыре окна на фасаде и пятое, узкое, над входной дверью. Зелёная краска на ставнях облупилась по нижнему краю. Каменная дорожка ушла под мокрую траву. На левом углу водосточная труба заканчивалась футом выше земли и выплёвывала воду прямо под фундамент.

Это, конечно, не попало ни на одну фотографию.

Ханна профессионально восстанавливала старые снимки и давно знала: изображение врёт не тогда, когда в него что-то добавляют. Чаше достаточно правильно обрезать края.

— Ты сейчас опять смотришь лицом реставратора, — сказал Оуэн, встав рядом.

— У дома водосток ведёт в подвал.

— В инспекции написано «незначительные проблемы с отводом воды».

— Незначительные — это когда вода уходит не туда, но хотя бы пытается. Здесь она просто сдаётся.

Оуэн проследил за трубой и вздохнул.

— Мы ещё не внесли ни одной коробки.

— Именно поэтому я говорю сейчас. Потом мы будем плакать среди коробок.

— Я не буду плакать.

— Ты плакал, когда нам выставили счёт за перевозку пианино.

— Это был финансовый инсульт.

Сэди проскочила между ними, едва не наступила в лужу и понеслась к крыльцу. Девять лет давали ей удивительную способность не замечать ни жары, ни влажности, ни того факта, что последние две недели родители существовали на кофе, списках и взаимных обвинениях в исчезновении упаковочного скотча.

— Не заходи одна! — крикнула Ханна.

— Я просто посмотрю!

— Сэди.

Девочка остановилась у двери и демонстративно сложила руки на груди.

— Я стою.

— Вижу.

— И ничего не трогаю.

— Ты уже нажала на звонок.

Сэди убрала палец с круглой латунной кнопки.

— Проверяла, работает ли.

Звонок не работал.

Ханна поднялась на крыльцо и достала ключ. Он застрял

в замке с первого раза, со второго повернулся только наполовину, с третьего дверь наконец подалась внутрь с тяжёлым деревянным вздохом.

— Характер, — сказал Оуэн у неё за спиной.

— Риелторский жаргон для «дорогая херня, которую вы будете чинить до смерти».

— Ты сама влюбилась в этот дом.

— Я влюбилась в фотографии этого дома. Это разные отношения.

Внутри пахло старым деревом, закрытыми окнами и лимонным средством для мебели. Холл был просторным, но темнее, чем на снимках. Лестница поднималась вдоль стены и поворачивала на площадке. Под потолком висела люстра с шестью матовыми плафонами; один отсутствовал. На паркетe остались светлые прямоугольники от мебели прежних хозяев.

Сэди вошла первой, несмотря на все обещания, и громко сказала:

— Тут пахнет бабушкой.

— Какой именно? — спросил Оуэн.

— Не нашей. Чужой.

Сэди прыснула и побежала наверх выбирать комнату, хотя выбрала её ещё во время просмотра: маленькую, с наклонным потолком и окном в сад. Риелтор называл её уютной. Оуэн — технически пригодной для проживания. Сэди заявила, что покрасит стены в чёрный, и три недели наблюда-

ла, как родители пытаются понять, шутит она или нет.

Грузчики начали заносить коробки. Дом быстро наполнился ударами, шагами и короткими мужскими ругательствами. Один диван не проходил в дверь гостиной. Второй грузчик предложил снять наличник. Оуэн побледнел так, будто тот предложил ампутировать стену.

Ханна оставила их спорить и пошла на кухню.

Кухня была единственным помещением, которое прежние владельцы почти не обновляли. Белые шкафы пожелтели возле ручек, столешница хранила след от горячей кастрюли, а над старой чугунной плитой висела полка для специй. За окном начинался сад.

С этой стороны дом не казался мрачным. Просто старым. Мокрые листья блестели под солнцем, каменная ограда тонула в плюще, в дальнем углу стояла маленькая оранжерея с мутными стёклами. Почти в центре участка рос огромный чёрный орех. Его крона закрывала половину неба, толстые ветви тянулись к дому и лежали над крышей, как чужие руки, которые никто не попросил убрать.

На кухонном столе стояла плетёная корзина.

Ханна сначала решила, что её оставил риелтор. Внутри лежали банка домашнего джема, бутылка местного сидра, упаковка печенья, карта Брайар-Глена и белый конверт с надписью «Семье Коул».

Почерк был аккуратным и крупным.

«Дорогие Ханна, Оуэн и Сэди!

Пусть этот дом станет для вас тем, чем был для нас: местом, куда всегда хочется возвращаться. Здесь бывают сквозняки, упрямые двери и слишком много листьев осенью, но он умеет хранить хорошие вещи.

Если понадобится помощь или вы просто захотите узнать, где перекрывается вода в саду, звоните в любое время.

С теплом, Джудит и Филип».

Внизу Джудит приписала номер телефона.

Ханна перечитала фразу про хорошие вещи. Нормальная фраза. Даже милая. Просто слово «хранить» в пустом доме прозвучало странно.

— Что там? — Оуэн вошёл на кухню боком, прижимая к груди коробку с надписью «ХРУПКОЕ / ХАННА / НЕ СТАВИТЬ НИЧЕГО СВЕРХУ». Сверху уже стояла коробка поменьше.

— Подарок от Вейлов.

— Есть алкоголь?

— Сидр.

— Хорошие люди.

— Ты говорил это и на закрытии сделки.

— На закрытии сделки Филип нашёл ошибку в расчётах и сэкономил нам четыреста долларов. Я готов был усыновить его, несмотря на разницу в возрасте.

Ханна убрала письмо обратно в конверт.

Джудит Вейл действительно производила впечатление человека, который не способен оставить после себя ничего

неприятного. На закрытие она пришла в светло-голубом жакете, принесла кофе всем присутствующим и за первые десять минут запомнила имя секретаря. Риелтор говорила с ней почти благоговейно. Уже потом Ханна узнала, что Джудит основала «Безопасное место» — крупнейший в округе центр помощи женщинам, пережившим домашнее насилие. Её фотография висела на баннере у въезда в город: седые волосы, мягкая улыбка, рука на плече молодой женщины, лицо которой было отвернуто от камеры.

Филип почти не говорил. Он проверял бумаги, складывал ручки параллельно краю стола и один раз поправил жене воротник. Не нежно и не грубо. Просто заметил непорядок и устранил.

— Они прожили здесь почти сорок лет, — сказала Ханна.
— Странно, что так легко отдали ключи.

— Они продали дом, а не почку.

— Для некоторых это одно и то же.

— Для тебя — возможно. Ты вчера извинилась перед квартирой, когда закрывала дверь.

— Я прожила там восемь лет.

— И ненавидела семь с половиной.

— Это были сложные отношения.

Оуэн поставил коробку на стол, поцеловал её в висок и открыл сидр.

— За сложные отношения с недвижимостью.

— Сейчас одиннадцать утра.

— Тогда за незначительные проблемы с отводом воды.

Он сделал глоток прямо из бутылки и вышел встречать следующую партию коробок.

Ханна осталась у окна.

На дальней стороне сада Сэди пробиралась к оранжерее. В одной руке она держала палку, другой отводила от лица мокрые ветки.

Ханна распахнула окно.

— Не лезь внутрь!

Сэди подняла голову.

— Я не лезу!

— Ты стоишь у двери.

— Я изучаю дверь.

— Изучай снаружи.

— Тут паук размером с мою ладонь!

— Поздравляю. Дом уже завёл питомца.

— Можно я его оставлю?

— Нет.

— Почему?

— Потому что у него наверняка есть семья, работа и ипотека. Не разрушай ему жизнь.

Сэди закатила глаза так выразительно, что это было видно через весь сад, и пошла обратно.

К полудню холл исчез под коробками. Диван всё-таки протащили без ампутации наличника, но содрали кусок краски на стене. Оуэн ходил мимо повреждения каждые пять

минут и трогал его пальцем. Ханна дважды просила перестать. В третий раз сказала, что если он продолжит, дырка не зарастёт от мужской тревоги.

— Это не дырка.

— Тем более. Отойди от стены.

Сэди выбрала комнату, объявила, что чёрный цвет отменяется в пользу «цвета засохшей крови», и нашла в вентиляционной решётке стеклянный шарик. Маленький, с синей спиралью внутри.

— Наверное, закатился, — сказала Ханна.

— Как? Решётка на стене.

— Тогда его туда положили.

— Зачем?

— Чтобы через тридцать лет ты задала мне этот вопрос.

Сэди вытерла шарик футболкой и поднесла к окну. Синий узор поймал свет.

— У Джудит были дети?

— Кажется, нет.

— Тогда чей он?

— Сэди, в этом доме с тысяча девятьсот двадцать четвёртого года жили разные люди. Дети, взрослые, чужие бабушки. Здесь наверняка ещё найдётся зуб,дохлая мышь и три килограмма монет.

— Если найду зуб, он мой.

— Даже спорить не буду.

Ближе к двум часам Оуэн открыл дверь в подвал и произ-

нёс одно короткое слово.

По интонации Ханна поняла, что это не приглашение полюбоваться архитектурой.

Она спустилась следом. Внизу пахло сыростью и холодным камнем. Вдоль дальней стены растеклась широкая лужа. Вода покрывала бетон тонким слоем, но у основания лестницы уже намокла первая коробка.

— Что там?

— Зимние вещи.

— Чьи?

Оуэн прочитал надпись.

— Твои.

— Тогда ничего страшного. Я всё равно ненавижу зиму.

Он посмотрел на неё.

— Ханна.

— Я вижу.

— Инспектор сказал, что подвал сухой.

— Он сказал, что следов активного проникновения воды не обнаружено.

— Это вода.

— Возможно, она не проникла. Возможно, её пригласили.

Оуэн выругался и подошёл к старому насосу в углу. Снял крышку, пошевелил кабель, нажал кнопку. Ничего не произошло.

— Насос мёртвый.

— У нас есть гарантия?

— На этот музейный экспонат? Конечно. Её подписал лично Томас Эдисон.

Он достал телефон и набрал Майка Донахью, подрядчика, которого наняли для ремонта ванной и проверки проводки. Майк ответил не сразу. Оуэн коротко описал проблему, потом вышел наверх, потому что в подвале почти не ловила связь.

Ханна осталась у лужи.

На каменной стене была видна тёмная полоса примерно в футах от пола. Не свежая. Старая отметка от воды, которую кто-то пытался отмыть или закрасить. Она провела по ней пальцем. Краска осыпалась серой пылью.

На инспекции здесь стояли стеллажи Вейлов.

Ханна вспомнила аккуратно подписанные пластиковые контейнеры, закрывавшие всю стену. «Рождество», «Сад», «Документы центра», «Филип — инструменты». Инспектор заглянул за край одного, посветил фонариком и сказал, что камень прохладный, но сухой.

Теперь контейнеров не было. Полоса была.

Она сфотографировала стену. Продавцы прячут сырой подвал по той же причине, по которой ставят на аватар фотографию десятилетней давности: хотят получить чуть больше любви и чуть меньше вопросов.

А Ханна привыкла сохранять исходник.

* * *

Майк приехал после четырёх на белом пикапе, заляпан-

ном красной глиной. Ему было около пятидесяти, хотя седая борода добавляла ещё лет десять. Он вошёл без приветственных восторгов, посмотрел подвал, насос, водосток и сад, после чего снял кепку и почесал затылок.

— Хорошая новость: дом не развалится.

— А плохая? — спросил Оуэн.

— Вы правда хотите её сегодня?

— Майк.

— Ладно. Старый дренаж забит или раздавлен корнями. Возможно, и то и другое. Вода идёт под фундамент. Нужно вскрывать линию отсюда до нижней части сада, ставить новый насос и смотреть, что происходит возле ореха.

— Возле дерева нельзя копать, — сказала Ханна.

— Копать можно везде. Вопрос, сколько потом заплатите за последствия.

Он подошёл к ореху, задрал голову и долго рассматривал крону. Сэди стояла рядом и тоже смотрела вверх, будто понимала, что именно они ищут.

— Большая ветка сухая, — сказал Майк. — Та, что над крышей. И ствол с западной стороны пошёл трещиной.

— Его можно спасти? — спросила Сэди.

— Можно позвать арбориста. Но качели я бы пока не вешал.

— Я не хотела качели.

— Все дети хотят качели.

— Мне девять, а не пять.

Майк вернул кепку на голову.

— Прошу прощения, мэ.м.

Оуэн присел возле выступающего корня и потрогал мокрую землю.

— Если дерево придётся убрать, дренаж станет проще?

— Намного. Но сначала арборист. Такие штуки не валят просто потому, что подвал решил стать бассейном.

Сэди обняла ствол обеими руками. Её ладони даже близко не сошлись.

— Мы его не уберём.

— Мы пока ничего не убираем, — сказал Оуэн.

— Это взрослое «да» или взрослое «нет»?

— Это взрослое «у нас закончились деньги».

Ханна повернулась к Майку.

— Насколько всё плохо?

Он назвал приблизительную сумму.

Оуэн медленно встал.

— За трубу?

— За трубу, траншею, насос, щебень, работу и возможность больше не хранить зимние вещи в воде.

— Мы можем начать только с насоса.

— Можете. Потом купите второй, когда первый будет круглосуточно выкачивать весь ваш сад.

— Отлично, — сказала Ханна. — Дом ещё не наш, а уже просит денег, как взрослый сын.

— Дом ваш, — напомнил Оуэн.

— Вот это и пугает.

Майк обещал прислать смету утром и уехал. Сэди ещё несколько минут стояла у дерева, потом нашла на земле зелёный орех, понюхала и сунула в карман.

— Он красит руки, — сказала Ханна.

— Я не буду его трогать.

— Ты уже положила его в карман.

— Карман не рука.

Логика была безупречной. Ханна сдалась.

* * *

Ужинали пиццей на полу гостиной, потому что коробка со столовыми приборами потерялась, а кухонный стол оказался завален инструментами. Сэди ела корку с середины, Оуэн пытался открыть банку перца отвёрткой, Ханна пила тёплый сидр из бумажного стакана с логотипом похоронного бюро. Стаканы обнаружили в ближайшем открытом пакете; откуда они взялись, никто не помнил.

— Очень в духе новой жизни, — сказала Ханна, рассматривая чёрную лилию на стакане.

— Экологично, — ответил Оуэн. — Используем наследство неизвестного покойника.

Сэди подняла свой стакан.

— За дом.

— За дом, — повторил Оуэн.

Ханна чокнулась с ними.

Сырой подвал, мёртвый насос и дерево, которое могло

раздавить крышу, в планы Ханны не входили. Но она хотела место, где Сэди не спрашивала бы каждые два года, надолго ли они приехали. Хотела перестать хранить половину вещей в коробках. Хотела знать, где на стене останется царапина, которую они сделали сами, а не очередные люди до них.

За последние одиннадцать лет у них было пять квартир и два съёмных дома. Оуэн руководил строительными проектами для больниц, и каждый новый контракт тащил их в другой город. Работа Ханны помещалась в ноутбуке и поэтому всегда считалась той, которую легче перевезти. Когда ему предложили постоянную должность в строительной и эксплуатационной службе больницы Брайар-Глена, они решили, что хватит. Нашли дом. Отдали первый взнос. Подписали бумаги. Влезли в ремонт раньше, чем успели испугаться.

Брайар-Глен подходил для слова «хватит». Город лежал между двумя лесистыми холмами — красный кирпич, старые клёны и улицы, которые никто не счёл нужным менять последние полвека. Главная улица занимала шесть кварталов. На одном конце стояло здание суда с зелёной медной крышей, на другом — закрытая стекольная фабрика, из трубы которой давно ничего не выходило. Между ними помещались аптека, закусочная, хозяйственный магазин и кинотеатр, показывавший по два фильма в неделю, один из которых обязательно уже шёл в интернете.

Ханна видела в этом не уют, а управляемый размер. От дома до больницы — четырнадцать минут. До школы — де-

вать. До супермаркета — семь, если не застрять за человеком, который решил поговорить с кассиром о колене. Здесь не требовалось каждый раз заново учить карту, искать врача, запоминать, в какой коробке лежат документы для новой школы.

На въезде в город висел стенд с фотографиями местных благотворителей. Среди них Ханна уже тогда заметила Джудит Вейл — светлый жакет, спокойная улыбка, ладонь на плече какой-то женщины. Под снимком было написано: «ТРИДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ РЯДОМ». Ханна подумала, что в маленьких городах люди либо становятся частью пейзажа, либо уезжают. Вейлы, очевидно, выбрали первое.

Сама она пока не выбирала ничего настолько окончательного. Просто впервые разрешила Сэди приклеить светящиеся звёзды к потолку, не напомним, что при переезде их придётся отдирать. Для девятилетнего ребёнка это, наверное, и было обещанием.

Теперь было поздно.

— Я оставлю шарик, — сказала Сэди.

Она положила стеклянную находку на пол между коробками.

— Я думала, он уже твой, — ответила Ханна.

— Нет. Вдруг хозяин вернётся?

Оуэн откусил пиццу.

— Если через сорок лет кто-то придёт за шариком, мы возьмём с него аренду.

— Джудит сказала, у них не было детей.

— В доме могли бывать племянники, друзья, соседские дети, — сказала Ханна. — Не делай из шарика дело века.

— Я не делаю. Просто он был спрятан.

— Он был в вентиляции.

— Именно.

Сэди убрала шарик в карман, туда же, где лежал зелёный орех.

Через час она уснула прямо на матрасе среди неразобран-ных коробок. Оуэн дотащил её до комнаты, вернулся вниз и обнаружил, что в гостиной снова капает с потолка. На этот раз вода текла не из дома: грузчики оставили окно приоткрытым, начался новый дождь.

— Всё нормально, — сказала Ханна, подставляя под капли кастрюлю.

— Не говори так.

— Что?

— «Всё нормально». Каждый раз после этого появляется новая проблема.

— Хорошо. Всё катится к чёрту.

— Спасибо. Так честнее.

Они закрыли окно и ещё полчаса искали постельное бельё. Нашли детские полотенца, новогоднюю гирлянду, папку с налогами и один ботинок Оуэна. Простыни оказались в коробке «КУХНЯ / ПЕРВОЕ НЕОБХОДИМОЕ». Ханна обвинила его. Он напомнил, что подписывала она. Они пору-

гались ровно три минуты, потом оба начали смеяться, потому что сил на нормальную ссору не осталось.

К одиннадцати дом наконец затих.

Ханна лежала на матрасе в их будущей спальне и слушала дождь. Кондиционер работал только в коридоре, поэтому дверь оставили открытой. Из сада доносился скрип ветвей. Одна царапала по крыше с размеренным мерзким звуком, будто кто-то проводил ногтем по дереву и каждый раз начинал заново.

Оуэн спал рядом, положив руку поверх головы. Он умел отключаться в любых условиях. В аэропортах, при включённом телевизоре, во время родительских собраний. Ханна считала это не талантом, а формой мужского предательства.

Она встала попить воды.

На кухне корзина Вейлов всё ещё стояла на столе. Ханна убрала джем и печенье в шкаф, карту положила возле ключей. Под плетёным дном обнаружилась ещё одна записка, маленькая, сложенная пополам.

«И одна личная просьба, если позволите. Пожалуйста, не рубите старый орех без крайней необходимости. Филип посадил его в первый год после нашего переезда. Для нас он часть дома.

Джудит».

Ханна подошла к окну.

За стеклом сад почти исчез. Дождь шёл плотной серой стеной, вспышки молнии выхватывали ограду, мокрую траву

и огромную крону. Орех качался сильнее, чем должен был. Сухая ветка над крышей уходила в темноту и возвращалась.

По черепице снова заскребло.

— Блядь, — тихо сказала Ханна.

Во дворе раздался треск. Он не оборвался сразу, а тянулся несколько секунд — тяжёлая ветка медленно ломалась под собственным весом. Ханна успела увидеть, как она наклонилась, зацепила край оранжереи и рухнула на каменную ограду. Стёкла посыпались внутрь. Земля у корней приподнялась, потом провалилась вместе с куском бордюра.

Оуэн влетел на кухню босиком, ещё не проснувшись до конца.

— Что случилось?

Ханна протянула ему записку Джудит.

За окном молния снова осветила сад. Чёрный орех стоял на месте, но теперь заметно накренился к дому.

— Кажется, — сказала она, — дерево само приняло решение.

ГЛАВА 2. КОРНИ

В семь утра Майк Донахью позвонил Ханне и сказал, что стоит у ворот.

— У нас нет ворот.

— Тогда я стою у чужого дома.

Ханна села на матрасе и несколько секунд пыталась вспомнить, где находится. В спальне было серо, душно и пахло мокрым картоном. Рядом спал Оуэн, натянув простыню до подбородка. Одну ногу он свесил на пол и каким-то образом не замечал, что пятка лежит в коробке с надписью «ВАННАЯ».

— Хоторн-лейн, четырнадцать? — спросила она.

— Я тоже на это надеюсь. Здесь дерево решило лечь на дом.

— Наш.

— Тогда поздравляю, я приехал правильно.

Ханна посмотрела на время.

— Ты обещал прислать смету утром.

— Я привёз её лично. Так у тебя будет меньше шансов бросить телефон в стену.

— Очень предусмотрительно.

— И арбориста привёз. Открывай.

Она толкнула Оуэна в плечо.

— Вставай.

Он не отреагировал.

— Майк приехал.

— Скажи ему, что мы умерли.

— Он уже видел дерево. Не поверит.

Оуэн открыл один глаз.

— Который час?

— Семь.

— Это незаконно.

— Пожалуйся дереву.

На первом этаже было прохладнее. Кондиционер в коридоре всю ночь работал с таким грохотом, словно внутри него перекатывали болты, зато кухня больше не напоминала духовку. Кастрюля под окном набралась почти до половины. Рядом лежала записка Джудит, которую Ханна ночью так и не убрала.

Она сунула её в карман шорт и пошла открывать.

Майк стоял на крыльце с двумя бумажными стаканами кофе. Рядом ждала невысокая женщина лет сорока пяти в рабочих ботинках, зелёной футболке и с короткими седыми волосами. На поясе у неё висела рулетка, хотя измерять дерево обычной рулеткой было примерно так же полезно, как проверять температуру дома линейкой.

— Это Нора Кин, — сказал Майк. — Она скажет, что я во всём ошибся, а потом выставит отдельный счёт.

— Я скажу бесплатно, — ответила женщина. — Счёт будет за дерево.

Майк протянул Ханне стакан.

— Чёрный. Я не знал, что ты пьёшь.

— Сейчас я пью всё, что не требует пережёвывания.

Нора уже смотрела через её плечо в сторону сада.

— Можно?

— Конечно.

Они обошли дом. Дождь прекратился, но с водостоков ещё капало. Каменная дорожка блестела, трава прилипала к обуви, а воздух после ночной грозы стал тяжёлым и тёплым. Солнце едва поднялось, но влажность уже взялась за Ханну обеими руками.

В саду пахло землёй, листьями и разбитой оранжереей.

Ветка лежала поперёк каменной ограды. Один её конец провалился внутрь стеклянной крыши, другой ещё держался на расщеплённом стволе. Вокруг белели осколки. Земля возле ореха поднялась полукругом, разломав бордюр и вырвав наружу толстые корни.

При дневном свете дерево накренилось сильнее, чем показалось ночью.

Нора остановилась в нескольких шагах от него.

— Ближе не подходите.

Майк посмотрел вверх.

— Вчера оно стояло ровнее.

— Вчера у него было больше корней в земле.

— Это можно как-то закрепить? — спросила Ханна.

Нора не ответила. Обошла дерево по широкой дуге, при-

села возле поднявшегося грунта и сфотографировала трещину в стволе. Потом сняла с пояса рулетку, измерила расстояние до дома и что-то внесла в телефон.

— Крыша спальни где?

Ханна показала на окна второго этажа.

— Там.

— Сегодня там никто не спит.

— Оно настолько плохое?

— Оно весит несколько тонн и наклоняется в сторону вашей кровати. Какой ответ тебя устроит?

— Желательно тот, где мы не платим за новый дом на второй день после покупки.

— Тогда у меня плохие новости.

Оуэн вышел в сад в футболке, надетой швами наружу. В одной руке он держал второй стакан кофе, в другой — смету Майка.

— Это ошибка?

— Доброе утро, — сказал Майк.

— Здесь написано двадцать восемь тысяч.

— Значит, ты уже дошёл до плохой части.

— За дренаж?

— За дренаж, насос, траншею и восстановление участка.

Дерево отдельно.

Оуэн перевёл взгляд на Нору.

— Сколько отдельно?

— Сначала нужно снять повреждённую ветку, разгрузить

крану, потом валить ствол по частям. Кран во двор не пройдёт, придётся работать с подъёмника со стороны переулка. Плюс измельчение веток и вывоз.

Она назвала сумму.

Оуэн отпил кофе.

— Прекрасно.

— Ты просил честно, — напомнила Ханна.

— Вчера. Сегодня я хочу, чтобы мне лгали.

Нора убрала телефон.

— Убирать нужно сегодня. Я подам уведомление в город как аварийное удаление. Если оставить до завтра, оно может лечь само. Тогда к моему счёту добавятся крыша, второй этаж и, возможно, кто-то из вас.

— А если снять только ветку? — спросила Ханна.

— Ствол треснул. Корневая плита поднялась. Половина опоры уже вышла из мокрой земли. Ветку мы снимем первой, чтобы добраться до остального, но дерево не спасти.

Из дома хлопнула дверь.

Сэди появилась на крыльце в пижамных шортах, одном носке и с волосами, закрывавшими половину лица. Несколько секунд она молча смотрела на взрослых, потом на Нору.

— Вы его срубите?

Никто не ответил сразу. Этого хватило.

— Нет.

— Сэди, — начал Оуэн.

— Вы сказали, что сначала позовёте человека.

— Мы позвали, — сказала Ханна.

— Одного?

Нора подняла руку.

— Я сертифицированный арборист.

— А второй арборист что говорит?

Майк кашлянул в кулак.

Оуэн посмотрел на него.

— Даже не начинай.

Сэди спустилась с крыльца и направилась к дереву.

— Стой, — резко сказала Нора.

Девочка остановилась.

— Почему?

— Потому что ветка держится на куске древесины толщиной с моё запястье. Она не предупредит перед тем, как упасть.

Сэди посмотрела на расщеплённый ствол. Потом на родителей.

— Джудит просила его не рубить.

Ханна нащупала записку в кармане.

— Откуда ты знаешь?

— Она лежала на столе.

— Ты читала чужое письмо?

— Оно было открыто.

— Оно было сложено.

— Плохо сложено.

Оуэн отвернулся, пряча улыбку.

— Не помогай ей, — сказала Ханна.

— Я вообще молчу.

Сэди скрестила руки.

— Филип его посадил.

— Я знаю.

— Значит, нужно сначала сказать им.

Ханна посмотрела на орех. Вчера он казался частью дома. Сегодня между корнями зияли чёрные щели, и вся эта огромная конструкция держалась на мокрой земле и привычке.

— Хорошо, — сказала она. — Я позвоню.

— Сейчас.

— После кофе.

— Мам.

— Сэди, если ты продолжишь руководить взрослыми, я выдам тебе ипотеку.

— Что?

— Ничего хорошего. Иди оденься.

Девочка ушла в дом, демонстративно обходя каждую лужу так, чтобы вода всё равно попадала на единственный носок.

Нора проводила её взглядом.

— У меня двое.

— Сочувствую, — сказал Оуэн.

— Они выросли. Теперь звонят только когда нужно перевезти диван или подписать кредит.

— Значит, надежда есть.

— Мне нужна зона от забора до задней стены. Детей, животных и людей, которые хотят посмотреть поближе, здесь быть не должно. Бригада приедет через час. До этого я сниму фотографии для города и страховки.

— Страховки, — повторил Оуэн. — Точно.

Он достал телефон.

— Я позвоню им.

— Поставь на громкую, — сказала Ханна. — Я тоже хочу услышать, как они объяснят, что именно из этого не покрывается.

В доме Майк занялся насосом, Оуэн — страховой компанией, а Ханна набрала номер Джудит.

Та ответила после второго гудка.

— Ханна? Всё хорошо?

Вопрос прозвучал так, словно Джудит ждала звонка.

— Не совсем. Ночью сломалась большая ветка. Она упала на оранжерею, а дерево наклонилось к дому.

На другом конце стало тихо.

Ханна слышала слабый стук посуды, потом мужской голос. Слов было не разобрать.

— Джудит?

— Я здесь. Простите. Вы сказали, оно наклонилось?

— Корни поднялись из земли. Арборист говорит, дерево нужно убрать сегодня. Полностью.

Снова пауза. На этот раз короче.

— Если оно угрожает дому, выбора нет.

За окном Нора фотографировала ствол. Майк протащил из подвала удлинитель, зацепился им за порог и выругался.

— Сэди настояла, чтобы я сначала вам сказала.

— Милая девочка.

— Сейчас она считает нас убийцами деревьев.

Джудит тихо рассмеялась, но смех быстро исчез.

— Филип очень любил этот орех. Он посадил его почти сразу после покупки дома. Дерево тогда было тоньше его руки.

На фоне снова заговорил мужчина.

— Филип спрашивает, сильно ли пострадала оранжерея.

— Ветка пробила крышу. Стёкла разбиты, часть рамы согнулась.

Джудит повторила ответ мужу.

— Главное, что вы не пострадали, — сказала она. — Дом можно починить.

— Мы только въехали, а он уже пытается нас убить.

— Старые дома проверяют новых хозяев.

— Хотелось бы письменный тест. Там хотя бы можно списать.

Джудит снова засмеялась. На этот раз естественнее.

— Если захотите, мы приедем. Филип помнит, где проходит вода в саду, и знает о дереве больше любого плана.

— Майк уже здесь. И арборист. Думаю, сегодня у нас будет достаточно людей, которые выставят счёт.

— Конечно. Не буду мешать.

Она замолчала.

— Ханна?

— Да?

— Если получится, сохраните небольшой кусок древесины. Для Филипа.

Просьба была нормальной. После записки — ожидаемой. И всё же Ханна почему-то посмотрела не на ствол, а на под-
нявшуюся возле корней землю.

— Сохраню.

— Спасибо.

Когда разговор закончился, Оуэн всё ещё висел на линии страховой. Он ходил по кухне и повторял номер полиса с интонацией человека, которого заставляют доказывать собственное существование.

Сэди сидела на полу возле коробки с посудой и ела печенье из корзины Вейлов.

— Ты спросила?

— Спросила.

— И?

— Джудит сказала, что нужно делать то, что безопасно.

Сэди нахмурилась.

— Она так быстро согласилась?

— Дерево падает на дом.

— Но она написала записку.

— Она написала «без крайней необходимости». Несколько тонн дерева над нашей спальней подходят под определе-

ние.

— Можно было поставить столбы.

— Нельзя.

— Ты не знаешь.

— Зато арборист знает.

Сэди откусила печенье.

— Взрослые всегда зовут специалиста, который скажет то, что им удобно.

Оуэн прикрыл рукой микрофон телефона.

— Кто её учит таким словам?

— Интернет, — ответила Ханна.

— Я всё слышу, — сказала Сэди.

— Вот интернет и жалуйся.

Через час возле дома стояли два грузовика, подъёмник, машина с измельчителем веток и мини-экскаватор Майка. Узкая Хоторн-лейн окончательно перестала принадлежать людям, которые на ней жили. Сосед напротив вышел за газетой и остался на крыльце в халате, наблюдая за техникой. Женщина из дома через два участка трижды прошла мимо с одной и той же маленькой собакой.

Нора натянула между оградой и крыльцом яркую ленту.

— За неё не заходить.

— Даже мне? — спросил Оуэн.

— Особенно тебе. У тебя лицо человека, который захочет проверить, правильно ли мы режем.

— Я руководил строительными проектами.

— Вот именно.

Первым сняли сломанную ветку. Рабочий в люльке закрепил трос выше расщепления, второй управлял лебёдкой. Пила завелась с резким визгом. Сэди стояла у кухонного окна, прижав ладони к стеклу.

Ханна пыталась разбирать коробки, но каждый раз возвращалась к окну. Огромная ветка медленно отделилась от ствола, повисла на тросе и опустилась на траву. Без неё дерево выглядело хуже. Трещина уходила глубоко в ствол, и внутри древесина была почти чёрной.

— Оно гнилое? — спросила Сэди.

Нора, услышав её через открытое окно, подошла ближе.

— Частично. Снаружи дерево может долго выглядеть здоровым. Проблема начинается внутри, а потом приходит одна хорошая буря.

— Очень жизнеутверждающе, — сказала Ханна.

— Я работаю с деревьями. Они не платят мне за оптимизм.

Сэди посмотрела на мать.

— Можно оставить круг от ствола?

— Джудит попросила кусок для Филипа.

— А нам?

Ханна не ожидала, что вопрос её заденет.

— Нам тоже оставим.

— Большой.

— Какой поднимем.

— Папа поднимет большой.

Оуэн в этот момент вышел из подвала с мокрыми руками.

— Почему я опять что-то должен поднять?

— Потому что ты взрослый сын, — ответила Ханна.

— Я до сих пор не простил тебе эту шутку.

— Но запомнил.

Майк включил временный насос. Из шланга у ограды хлынула мутная вода.

— В подвале уровень падает, — сказал он. — Но дренаж всё равно придётся вскрывать. Пока дерево стоит, я туда не полезу.

— Сегодня? — спросил Оуэн.

— Если Нора закончит до обеда, попробуем открыть хотя бы начало линии. Нужно понять, где её пережало.

Оуэн посмотрел на экскаватор.

— Страховая сказала, что дренаж не покрывается.

— Разумеется, — сказала Ханна.

— Дерево тоже, если докажут, что оно было больным до покупки.

— А если оно заболело сегодня утром?

— Я спросил. Женщина перестала смеяться.

К полудню кроны почти не осталось. Рабочие снимали ветви одну за другой, измельчитель ревел возле переулка, а сад заполнялся мелкой зелёной щепой. Запах был терпким, почти лекарственным.

Сэди собрала в ведро орехи, которые падали на землю.

Ханна разрешила ей выйти только на крыльцо, поэтому девочка стояла у самой ленты и управляла Оуэном.

— Тот пропустил.

— Какой?

— Возле камня.

— Там двадцать орехов.

— Зелёный.

— Они все зелёные.

— Самый зелёный.

Оуэн поднял первый попавшийся и бросил в ведро.

— Этот?

— Нет.

— Тогда он будет жить на свободе.

Ханна принесла рабочим воду и сэндвичи из ближайшей закусочной. Нора ела стоя, не сводя глаз с дерева.

— Сколько ему? — спросила Ханна.

— Тридцать восемь, сорок лет. Точнее скажу по срезу.

— Филипп посадил его в восемьдесят седьмом.

— Сходится.

— Они прожили здесь почти всю жизнь.

— Люди привязываются к деревьям сильнее, чем к соседям. Деревья хотя бы не паркуются перед твоим выездом.

Ханна посмотрела на дом напротив. Сосед в халате всё ещё стоял на крыльце.

— Этот, кажется, вообще никуда не паркуется.

Нора допила воду.

— После обеда будем снимать ствол. Окна со стороны сада лучше закрыть шторами. Иногда щепка летит далеко.

— Ты говоришь это сейчас?

— Сейчас ты слушаешь.

Ханна вернулась в дом.

Оуэн стоял в кухне возле разложенных бумаг. Смета Майка лежала рядом со страховым полисом и договором на ремонт ванной. После последних суток Ханна уже не ждала от этих бумаг ничего хорошего.

— Если сложить дерево, дренаж и ванную, — сказал он, — получится сумма, которую я не хочу произносить.

— Тогда не произноси.

— От этого она не исчезнет.

— Зато не испортит обед.

Он провёл рукой по лицу.

— Может, остановим ремонт ванной.

— С удовольствием.

Оуэн не улыбнулся.

Ханна села напротив.

— Мы знали, что дом старый.

— Мы знали про проводку, ванную и окна. Про озеро в подвале и дерево на крыше никто не говорил.

— Поэтому мы и купили дешевле.

— Мы купили дешевле, потому что сюда ехать сорок минут от нормального города.

— Ты сам согласился.

— Я не говорю, что не согласился.

— Ты говоришь таким голосом.

— Каким?

— Которым потом можно сказать: «Я с самого начала сомневался».

Оуэн отодвинул бумаги.

— Я не собираюсь говорить это потом. Я говорю сейчас: мне не нравится, как всё началось.

— Мне тоже.

— Но признать, что с домом проблема, для тебя почему-то значит проиграть.

Ханна прищурилась.

— Дом не может победить.

— Отлично. Значит, можно спокойно признать, что вчера мы въехали, а сегодня уже не понимаем, сколько будет стоить просто не утонуть и не умереть во сне.

Из сада донёсся звук пилы.

— И что ты предлагаешь?

— Пока ничего. Я пытаюсь посчитать.

— Тогда считай. Только не превращай это в разговор о том, что мы опять должны собирать коробки.

— Я такого не сказал.

— Ещё нет.

Оуэн вздохнул и сел рядом.

— Ханна, я тоже хочу остаться.

— Хорошо.

— Но если дом опасен для Сэди...

— Дерево убирают.

— Я говорю не только о дереве.

Она помолчала.

— А о чём ещё?

— Не знаю. О том, что за сутки произошло слишком много.

— Потому что шёл дождь.

— Возможно.

— Ты сейчас боишься погоды?

— Я сейчас боюсь счёта. Погода идёт бонусом.

Ханна взяла смету и перевернула лицевой стороной вниз.

— Сегодня убираем дерево и смотрим дренаж. Завтра будем решать остальное.

— Разумно.

— Не привыкай.

Он положил ладонь ей на колено.

— Я и не собирался.

Рабочие начали снимать ствол около двух. Его разделили на части, каждая была почти в рост Сэди. Трос натягивался, пила входила в древесину, затем тяжёлый цилиндр медленно опускался на землю.

Дом вздрагивал, когда части ствола касались травы.

Последний отрезок оставили высотой примерно по пояс. Без кроны сад стал непривычно светлым. Ханна впервые увидела дальнюю стену целиком и поняла, насколько орех

закрывал участок. Оранжерея выглядела меньше, каменная ограда — ниже, а соседние крыши оказались ближе, чем ей хотелось.

Сэди вышла на крыльцо и остановилась.

— Его больше нет.

— Остался пень, — сказал Оуэн.

— Это не дерево.

— Технически часть дерева.

— Если тебе отрезать голову, ты тоже технически останешься частью папы?

Оуэн открыл рот.

Ханна подняла руку.

— Даже не отвечай.

— Я и не знал, что ответить.

Нора подошла к ним, вытирая лицо краем футболки.

— Хотите посмотреть срез?

Сэди первой шагнула к ленте.

— Безопасно?

— Пока стойте со мной.

На светлой древесине расходились тёмные кольца. Ближе к центру чернела неровная полость. Нора указала на неё карандашом.

— Здесь началась гниль. Возможно, после старого повреждения. А вот трещина. Она шла внутри почти на треть ствола.

— Значит, оно всё равно бы упало? — спросила Сэди.

— Не сегодня, так после следующей сильной бури.

— Точно?

— Деревья не дают точных обещаний. Но рядом с домом я бы его не оставила.

Сэди пересчитала несколько колец пальцем.

— Можно этот кусок?

— Этот весит больше твоего отца.

— Он сильный.

— Спасибо, — сказал Оуэн. — Наконец-то кто-то в меня верит.

Нора отметила мелом два небольших отрезка, которые рабочие должны были оставить. Один для Вейлов, второй для Коулов.

Майк тем временем подогнал мини-экскаватор к поднимающейся земле. Сначала ковшом убрали обломки бордюра. Потом он начал осторожно снимать мокрый грунт возле корней.

— Дренаж идёт здесь? — спросила Ханна.

— Должен, — ответил Майк из кабины. — Если план не рисовал человек после трёх бутылок сидра.

— В этом доме я уже ничему не удивлюсь.

— Не говори так. Он услышит.

Оуэн посмотрел на него.

— Вы сговорились?

— Я просто быстро учусь.

Толстый корень пересекал предполагаемую линию почти

поперёк. Под ним виднелась старая глиняная труба, расколота в двух местах. Внутри забились чёрная земля.

Майк заглушил двигатель и прыгнул на землю.

— Вот ваш преступник.

— Корень? — спросил Оуэн.

— Корень, возраст и человек, который сорок лет назад решил, что трубе хватит вечности.

Он присел возле разлома и осветил внутрь фонарём.

— Линию придётся менять всю. Здесь латать нечего.

— Ещё хорошие новости? — спросила Ханна.

— Вода хотя бы не появилась из ада.

— День только начался.

— Уже почти четыре.

— Тогда у ада было достаточно времени.

Один из рабочих Норы резал ветки для измельчителя. Второй, молодой парень в защитных очках, помогал Майку оттащить обломки трубы. Нора разговаривала по телефону у ограды, согласовывая вывоз ствола.

Сэди сидела на крыльце рядом с ведром орехов и рисовала на картонной коробке лицо. Ханна не спросила, кого именно хоронят. По выражению нарисованных бровей подозревала, что родителей.

Майк снова завёл экскаватор.

Ковш вошёл в землю за расколотой трубой. Грунт был плотным, переплетённым мелкими корнями. Машина подняла ком земли и высыпала его рядом с траншеей.

Рабочий в очках наклонился, чтобы убрать кусок корня. Потом замер.

Ханна заметила это не сразу. Она смотрела на Сэди, которая пыталась поставить ведро на нарисованную коробку вместо надгробия. Только когда двигатель экскаватора стих, она повернулась к саду.

Майк спрыгнул из кабины.

— Что там, Луис?

Парень ничего не ответил. Он снял очки и присел возле вывернутой земли.

Нора убрала телефон.

— Не трогай, — сказала она.

Все трое смотрели в одну точку.

Оуэн первым пошёл к ним.

— Что нашли?

Майк выставил руку.

— Подожди.

Ханна почувствовала, как внутри всё неприятно сжалось.

— Это труба?

— Нет.

Она подошла ближе. Майк снова попытался остановить её, но Ханна уже увидела белое среди мокрой земли.

Сначала предмет действительно напоминал обломок старой трубы. Изогнутый, грязный, длиной с половину ладони. Рядом тянулся тонкий корень, обвивший его почти по всей длине.

Потом Луис осторожно отодвинул траву деревянной ручкой инструмента.

На белой дуге показались зубы.

Ханна остановилась.

Они были маленькими. Слишком ровными и слишком знакомыми, чтобы продолжать убеждать себя, что это животное.

Ханна только со второй попытки убрала со лба мокрую прядь.

— Господи, — сказал Оуэн.

Майк выпрямился.

— Все назад.

— Это человеческое? — спросила Ханна.

— Я не знаю.

Он говорил быстро и уже доставал телефон.

— Похоже на челюсть, — сказала Нора. — Больше никто ничего не трогает.

Луис отступил так резко, что поскользнулся и едва не сел в траншею. На его перчатке осталась мокрая земля. Он посмотрел на неё и снял обе перчатки, выворачивая одну внутрь другой.

Сэди поднялась с крыльца.

— Что там?

Ханна обернулась.

— Ничего. Иди в дом.

— Но вы все смотрите.

— Сэди, в дом.

Девочка сошла с первой ступеньки.

— Это животное?

Оуэн направился к ней.

— Пока не знаем.

— Я хочу посмотреть.

— Нет.

— Почему?

— Потому что я сказал.

Сэди остановилась. По её лицу сразу стало видно: хуже ответа Оуэн выбрать не мог.

— Ты всегда так говоришь, когда не хочешь объяснять.

— Сейчас именно такой случай.

— Оуэн, — тихо сказала Ханна.

Он провёл ладонью по волосам.

— Сэди, пожалуйста. Просто зайди внутрь и закрой дверь.

Она посмотрела на родителей, потом на людей возле траншеи. Ведро с орехами осталось на ступеньке.

— Оно мёртвое?

Ханна подошла к ней.

— Да.

— Давно?

— Похоже, что давно.

— Тогда оно уже ничего мне не сделает.

— Дело не в этом.

— А в чём?

Ханна присела перед ней. Колени сразу промокли от травы.

— В том, что мы пока не понимаем, что нашли. Сейчас приедут люди, которые понимают. Им нужно, чтобы здесь никто не ходил и ничего не трогал.

Сэди посмотрела ей за плечо.

— Это человек?

Ханна не ответила.

Девочка всё поняла сама.

— Ребёнок?

— Мы не знаем.

— Но маленькое?

— Сэди.

— Я просто спросила.

— И я отвечу, когда смогу. Сейчас иди наверх. Не к окну в сад. Выбери любую другую комнату и сиди там.

— У меня нет другой комнаты.

— У тебя целый дом.

— Ты вчера сказала, что дом общий.

— Отлично. Выбери общую комнату и сиди в ней.

Сэди развернулась и вошла внутрь. Дверь за собой она не хлопнула. От этого Ханне стало хуже.

Майк разговаривал с диспетчером. Он назвал адрес, объяснил, что нашли возможные человеческие останки во время земляных работ, и несколько раз повторил, что место больше не трогали.

— Да, — сказал он. — Возможно, челюсть. Нет, я не врач.
Поэтому и звоню вам.

Ханна подошла к Оуэну.

— Нужно убрать её от окон.

— Я закрою шторы.

— Она всё равно найдёт щель.

— Тогда посажу в машину.

— Машина стоит со стороны сада.

— Ханна, я что-нибудь придумаю.

Он взял её за плечи.

— Ты в порядке?

Вопрос показался нелепым. Вчера они получили ключи. Ночью дерево упало на оранжерею. Сегодня из-под его корней показались зубы.

— Нет, — сказала она. — Но это уже становится нашим семейным ответом.

Первой приехала патрульная машина. Потом вторая.

Молодой помощник шерифа вошёл через боковую калитку, держа одну руку возле кобуры. Майк встретил его у лент Норы и показал траншею. Второй полицейский записал имена всех, кто находился в саду, и велел рабочим отойти к грузовикам.

Через несколько минут яркая лента Норы исчезла под новой — жёлтой, с чёрной надписью.

Место преступления. Не входить.

Она прошла от каменной ограды до угла дома, отрезав

орех, оранжерею и почти весь сад.

Ханна стояла на крыльце и смотрела, как полицейский фотографирует землю. Он не касался находки. Только наклонился, посветил фонарём и вызвал кого-то по рации.

Оуэн закрыл шторы в комнате Сэди. Девочка тут же появилась у окна на втором этаже и прижалась лицом к узкой щели между тканью и стеной.

— Я же говорил, — сказал он.

— Она твоя дочь.

— Когда делает такое — твоя.

Полицейский поднялся на крыльцо. Ему было около тридцати. На форме значилось «М. Харпер». Он достал блокнот.

— Кто владелец дома?

Ханна и Оуэн ответили одновременно:

— Мы.

Харпер посмотрел на одного, потом на другого.

— Кто проводил работы?

— Майк Донахью, — сказал Оуэн. — Подрядчик. Дерево повредило дренаж. Точнее, корни повредили его раньше, а ночью дерево...

— Я разберусь с последовательностью отдельно. Когда вы начали копать?

— Около четырёх.

— Кто первым увидел останки?

Они показали на Луиса. Тот стоял возле грузовика Норы и курил, хотя час назад Ханна не видела у него сигарет.

— Вы что-нибудь перемещали после находки?

— Нет, — ответила Ханна.

— Ковш поднял грунт, — добавил Оуэн. — Но после того, как увидели кость, всё остановили.

Харпер записал.

— Давно вы живёте в доме?

— Со вчерашнего дня.

Ручка остановилась.

— Со вчерашнего?

— Мы получили ключи утром.

— А предыдущие владельцы?

— Джудит и Филип Вейлы.

Имя подействовало. Харпер поднял глаза.

— Те самые Вейлы?

— Если вы имеете в виду центр помощи женщинам, то да.

— Они жили здесь?

— Почти сорок лет.

— Есть фотографии участка до начала работ?

— Я фотографировала вчера. И ночью после бури.

— Ничего не удаляйте. Детектив попросит копии.

— Детектив?

Харпер закрыл блокнот.

— Мы пока не подтверждаем, что останки человеческие. Но до осмотра специалиста участок будет закрыт.

В саду второй полицейский разматывал новую ленту вдоль стены дома. Нора спорила с кем-то по телефону о гру-

зовике, который теперь оказался внутри оцепления. Майк стоял неподвижно, засунув руки в карманы. Из временного шланга продолжала течь мутная вода.

— А дом? — спросил Оуэн.

— Пока можете оставаться внутри. В подвал и сад не спускайтесь. Возможно, позже понадобится отдельное разрешение на вход.

— Это наш дом.

Харпер посмотрел на него без раздражения. Скорее устало.

— Сейчас это ещё и возможное место захоронения.

Наверху отодвинулась штора. Сэди больше не было видно.

Ханна посмотрела на дверь в подвал и представила ребёнка, который когда-то спускался по этой лестнице, держался за те же перила и не знал, что сад станет его могилой. Образ возник слишком ясно, хотя она не знала ни лица, ни одежды, ни даже того, мальчик это или девочка.

Потом исчезли.

В кармане зашуршала записка Джудит.

«Для нас он часть дома».

Ханна достала записку и перечитала её. Ещё утром просьба казалась сентиментальной. Сейчас слова выглядели иначе, хотя ни одна буква не изменилась.

Из сада позвал Харпер:

— Миссис Коул?

Она убрала записку обратно.

— Да?

Он стоял возле траншеи. Рядом с ним появился мужчина в белом защитном комбинезоне и с металлическим чемоданом.

— Мне нужно, чтобы вы с мужем отошли в дом.

— Что-то нашли?

Харпер помедлил.

— Специалист считает, что кость человеческая.

Оуэн взял Ханну за руку.

За жёлтой лентой ветер шевелил свежую щепу. От старого ореха остался низкий пенёк, два отмеченных мелом куса ствола и разрытая земля.

Ханна посмотрела на окно Сэди.

Девочка снова стояла за шторой.

На этот раз она не пряталась.

ГЛАВА 3. ДВОЕ

В пять сорок восемь вечера Айрис Белл свернула на Хортон-лейн. Возле дома уже стояли четыре служебные машины, грузовик арбористов, мини-экскаватор и столько людей в рабочих жилетах, что со стороны всё напоминало очень плохо организованный дорожный ремонт.

Сосед в халате, вчера весь день просидевший на своём крыльце, теперь снимал происходящее на планшет, держа его вытянутыми руками, как поднос.

У калитки её встретил помощник шерифа Харпер.

— Возможные человеческие останки, — сказал он вместо приветствия. — Похоже на нижнюю челюсть. Небольшую.

— «Похоже» сказал кто?

— Арборист. Потом техник из группы осмотра. Он уверен процентов на восемьдесят.

— Техник видел её в земле?

— Да. Ничего не извлекали.

— Кто нашёл?

— Рабочий. Экскаватор поднял ком грунта, парень заметил зубы. После этого всё остановили.

Ковш застыл над траншеей; с его края ещё свисали корни.

— До этого сколько успели выкопать?

— Около восьми футов линии. Здесь старый дренаж. Ночью дерево повредило оранжерею, утром его убрали, потом

начали вскрывать трубу.

— Владельцы?

— Купили дом вчера.

Айрис повернула голову.

— Вчера?

— Я переспросил.

— Предыдущие?

Харпер открыл блокнот.

— Джудит и Филип Вейлы.

Айрис снова посмотрела на дом.

С Вейлами она лично сталкивалась дважды. Один раз Джудит сопровождала женщину, которую муж избил монтировкой и оставил в гараже. Второй — сидела рядом с шестнадцатилетней девочкой во время допроса и четыре часа держала её за руку, не произнося ни слова. Девочка заговорила только под утро.

Айрис не любила людей, которые строили карьеру на чужих несчастьях. Джудит Вейл, насколько она помнила, была одной из немногих, кому удавалось не выглядеть при этом стервятником.

В Брайар-Глене фамилия Вейл появлялась в местах, где люди обычно не читали стены. На табличке возле семейной комнаты в больнице. Внизу школьного плаката о сборе рюкзаков. На старом микроавтобусе, который полиция вызывала, когда женщину нельзя было отправить обратно по домашнему адресу. Айрис несколько раз видела Филипа на за-

седаниях округа: он сидел в последнем ряду, считал сметы и уходил до фотографий. Джудит оставалась. Помнила имена. Писала заявления. Звонила судьям домой, если считала, что утром будет поздно.

Это не делало её святой. Но означало, что половина города знала человека, который однажды получил от неё ключ, номер адвоката или место в машине. Если в саду Вейлов действительно лежал ребёнок, расследовать придётся не только землю. Придётся пройти через благодарность людей, которым Джудит помогла, и через их страх, что одна страшная находка обесценит всё, на чём они удержались.

— Вейлы уже знают? — спросила она.

— Новая хозяйка звонила Джудит утром из-за дерева. Про кость пока не сообщала. По крайней мере, так говорит.

— Пресса?

— Ещё нет.

С улицы донёсся щелчок камеры.

Они оба посмотрели на женщину с собакой, которая стояла через дорогу и держала телефон перед лицом.

— Осталось минут десять, — сказал Харпер.

— Оптимист.

Айрис надела бахилы поверх ботинок и вошла в сад.

Первое, что она заметила, — свет.

Старое дерево, судя по пню, закрывало большую часть участка. Теперь солнце било прямо в окна дома, освещало разломанную оранжерею и длинную полосу свежей земли. В

воздухе висел запах ореховой древесины. Возле ограды лежали части ствола, отмеченные белым мелом.

На месте раскопа работали два техника. Один фотографировал траншею, второй устанавливал маркеры возле следов обуви и ковша. Землю, которую успел поднять экскаватор, огородили отдельно.

— Белл, — позвал мужчина с камерой. — Сюда.

Айрис присела рядом.

Из влажного грунта выступала костная дуга с пятью зубами. Корень обвил её снизу и прошёл через пустое пространство там, где должна была находиться задняя часть челюсти.

— Точно человеческая? — спросила она.

— Я бы поставил деньги.

— Не ставь. У тебя ипотека.

— Потому и не ставлю.

Он показал на один из зубов.

— Смотри на форму. И размер.

Айрис смотрела.

Кость была маленькой. Она не занималась антропологией и не собиралась изображать эксперта, но видела человеческие останки достаточно раз, чтобы понимать, почему техник перестал шутить.

— Ребёнок?

— Вероятно.

— Где остальное?

— Под корнями или в отвале. Пока не трогали.

Айрис выпрямилась.

— Наоми едет?

— Будет через сорок минут. Сказала, чтобы никто не проявлял инициативу.

— Значит, настроение у неё обычное.

За спиной зашуршала лента. Айрис обернулась.

На крыльце стояла женщина с тёмными волосами, собранными кое-как, и мужчина в мятой футболке. Рядом с ними лежали два чемодана и большая сумка с детским единорогом.

— Коулы? — спросила Айрис у Харпера.

— Да. Мы попросили собрать вещи на ночь. Если придёт-ся расширять зону, в дом они уже не вернутся.

— Ребёнок где?

— Наверху. Девять лет. Видела кость из окна или почти видела. Родители сами не знают.

Айрис сняла бахилы и подошла к крыльцу.

— Ханна Коул?

— Да.

— Детектив Айрис Белл. Это ваш муж?

— Оуэн.

Оуэн протянул руку, потом посмотрел на грязные пальцы и убрал её.

— Извините. Мы весь день...

— Ничего страшного.

Айрис показала удостоверение, хотя Харпер уже прове-

рил документы и причин сомневаться у Коулов не было. Она делала это всегда. Люди лучше отвечали, когда понимали, кто именно задаёт вопросы.

— Мне нужно поговорить с вами по отдельности.

Оуэн напрягся.

— Мы что-то сделали?

— Вы нашли возможные человеческие останки на своей земле. Я должна получить две независимые версии того, как это произошло.

— Они будут одинаковыми, — сказала Ханна.

— Тогда мне повезёт.

— А если мы сначала договоримся, кто врёт?

Ханна не улыбалась, но голос был сухой, почти насмешливый. Так иногда говорили люди, которые ещё не испугались до конца и держались за привычный характер обеими руками.

— В таком случае не делайте это при мне, — ответила Айрис.

Оуэн тихо выдохнул.

— Я первый.

Айрис отвела его к машине Харпера. Ханна осталась на крыльце. В окне второго этажа мелькнуло детское лицо и тут же исчезло.

Рассказ Оуэна занял двенадцать минут.

Они въехали накануне утром. Подвал оказался мокрым. Подрядчик заподозрил повреждение дренажа корнями. Но-

чью во время грозы большая ветка рухнула на оранжерею, а дерево наклонилось. Утром арборист признала его аварийным. После удаления ствола Майк Донахью начал вскрывать старую трубу. Экскаватор поднял землю. Рабочий нашёл кость.

— Кто решил копать именно там? — спросила Айрис.

— Майк. По плану там проходил дренаж.

— План у вас?

— В доме. В папке с документами на ремонт.

— Кто-нибудь из прежних владельцев показывал вам лилию?

— Нет. Джудит написала, где перекрывается вода в саду, но не про дренаж.

— Вы говорили с ней сегодня?

— Ханна говорила. Из-за дерева.

— Что сказала миссис Вейл?

— Что безопасность важнее. Попросила оставить Филипу кусок ствола.

— Что-нибудь ещё?

— Кажется, спрашивала про оранжерею.

— Кажется?

— Я слышал не весь разговор.

Айрис записала.

— Во время покупки вам сообщали о захоронениях на участке?

— Вы серьёзно?

— Я обязана спросить.

— Нет. Нам сообщили о старой проводке, ржавых трубах и «незначительных проблемах с водой». Про человека под деревом в декларации ничего не было.

— Пока мы не знаем, человек ли это.

— Вы видели зубы?

— Видела.

Он опустил взгляд на свои руки.

— Тогда зачем говорите, что не знаете?

— Потому что между «похоже» и «установлено» обычно лежит несколько дней работы. Иногда месяцев.

— Это должно успокаивать?

— Нет.

Оуэн помолчал.

— Мы сможем вернуться в дом?

— Сегодня, вероятно, нет. Дальше зависит от того, что найдёт антрополог.

— А если это ребёнок?

— Тогда участок будут исследовать полностью.

— Полностью — это как?

— Землю снимут слоями. Зафиксируют положение каждой кости и каждого предмета. Проверят, есть ли другие останки.

Он посмотрел в сад.

— Другие?

— Я перечисляю стандартные действия.

— Вы так говорите, чтобы люди не понимали, что нужно бояться?

— Обычно люди и без моей помощи отлично справляются.

Ханна дала ту же последовательность событий. Она точнее помнила время и имена рабочих, зато не могла сказать, когда именно Майк завёл экскаватор. Рассказала о записке Джудит и сама принесла её из дома в прозрачном файле, словно заранее знала, что бумагу попросят не мять.

Айрис прочитала.

— «Пожалуйста, не рубите старый орех без крайней необходимости».

— Да.

— Где была записка?

— Под плетёной корзиной с подарками.

— Вы нашли её ночью?

— После того как ветка уже упала.

— Почему решили позвонить Джудит утром?

— Потому что дерево посадил её муж. И потому что моя дочь умеет превращать чужую сентиментальность в судебное решение.

— Миссис Вейл пыталась вас отговорить?

— Нет.

— Уточняла, где будут копать?

Ханна задумалась.

— Нет. Спросила, сильно ли повреждена оранжерея.

— Это показалось странным?

— У них там наверняка было много воспоминаний.

— Я спрашиваю, что показалось вам.

Ханна посмотрела на записку.

— Утром — ничего.

— А сейчас?

— Сейчас у меня во дворе лежит детская челюсть. Сейчас странным кажется всё.

Айрис вернула бумагу в файл.

— Я заберу её на время.

— Вы думаете, дерево связано с костью?

— Пока дерево связано только с тем, что без него кость не нашли бы.

— Это очень полицейский ответ.

— Другого у меня пока нет.

Из дома вышла Сэди. Она переоделась в шорты и футболку, но один носок остался прежним.

— Мам, зарядка от планшета в коробке с зимними вещами.

Ханна закрыла глаза.

— Конечно.

— А коробка в подвале.

— Конечно.

Сэди посмотрела на Айрис.

— Вы детектив?

— Да.

— Как в сериалах?

— У меня хуже освещение.

— Вы знаете, чей это зуб?

— Пока нет.

— Значит, вы ещё ничего не расследовали?

Оуэн кашлянул.

— Сэди.

— Что? Она только приехала.

Айрис присела, чтобы не смотреть на девочку сверху.

— Я расследовала достаточно, чтобы попросить тебя не подходить к окнам со стороны сада.

— Папа уже закрыл шторы.

— И помогло?

Сэди подумала.

— Не очень.

— Тогда попробуем договориться. Ты не смотришь в сад, а я скажу твоим родителям, когда буду знать что-то, что можно сказать тебе.

— Они всё равно не скажут.

— Это уже семейный вопрос.

— Кость от ребёнка?

Ханна шагнула ближе.

— Сэди, мы это обсуждали.

Девочка продолжала смотреть на Айрис.

— Вероятно, — сказала та. — Точно узнаем после осмотра.

— Он умер здесь?

— Этого мы не знаем.

— Его закопали?

Айрис не ответила сразу.

— Кость находилась под землёй.

— Это не ответ.

— Другого пока нет.

Сэди кивнула, словно записала этот недостаток в отдельную папку.

— А зарядку можно забрать?

— Нет, — одновременно сказали трое взрослых.

Девочка пожала плечами и вернулась в дом.

— Простите, — сказала Ханна.

— За что?

— Она задаёт вопросы, пока человек не начинает жалеть, что умеет говорить.

— Полезный навык.

— Только не поощряйте.

К воротам подъехал тёмно-синий внедорожник. Из него вышла доктор Наоми Трент с большим пластиковым контейнером и выражением лица человека, которому снова испортили вечер чужой смертью.

Айрис встретила её у ленты.

— Спасибо, что быстро.

— Я была в сорока минутах отсюда.

— Поэтому и быстро.

— Если бы я была в десяти, приехала бы через час. У меня есть принципы.

Наоми расписалась в журнале входа, надела комбинезон, перчатки и защитные очки.

— Что уже сделали неправильно?

— Экскаватор поднял грунт до того, как они увидели кость.

— Это не считается. Они не знали.

— Техник почти поставил деньги на человеческую челюсть.

— Сколько?

— Не поставил. Ипотека.

— Жаль. Я могла заработать.

Они подошли к траншее.

Наоми опустилась на колени и несколько минут рассматривала находку, не касаясь её. Потом попросила дополнительный свет и линейку масштаба. Техник сделал новую серию фотографий.

— Человек, — сказала она.

Харпер перестал писать и посмотрел на Айрис.

— Несовершеннолетний, — продолжила Наоми. — Точнее скажу после извлечения. Кость старая, но по одной челюсти дату не дам. Годы, возможно десятилетия. Всё зависит от почвы и глубины.

— Причина смерти?

Наоми подняла на неё глаза.

— Айрис.

— Я обязана попробовать.

— Попытка неудачная.

Она указала на грунт.

— Здесь смешаны слои. Ковш нарушил верхнюю часть, корни тоже сделали своё. Нужно расширить зону и проверить отвал вручную. До темноты успеем только стабилизировать место.

— Можешь сказать, кость лежала здесь изначально или её принесло с другой части участка?

— Пока нет.

— Погребение?

— Возможно. Если остальной скелет ниже — да. Если найдём одну челюсть в трубе, будем думать иначе.

— Каким образом человеческая челюсть могла оказаться в трубе?

— У людей богатая фантазия. Не ограничивай их.

Между поднятыми корнями чернела земля.

— Дерево посадили в восемьдесят седьмом.

— Тогда кость могла быть здесь раньше.

— Или позже.

— Удивительно, как работает время.

— Ты сегодня особенно приятная.

— Я пропустила ужин.

Наоми попросила установить навес и дополнительное освещение. К сумеркам они сняли только свободный грунт

вокруг находки и поняли, что челюсть не лежала отдельно.

Ниже показались фрагменты шейных позвонков.

Наоми остановила работу.

— Продолжим утром.

— Почему? — спросила Айрис.

— Потому что я хочу видеть цвет почвы, границы ямы и положение корней при дневном свете. Прожекторы делают всё плоским. Если тебе нужен быстрый результат, можешь попросить интернет.

— Он уже работает через дорогу.

У соседнего дома стояли трое. Женщина с собакой исчезла, зато появились мужчина с камерой и парень, державший телефон на длинной палке.

Харпер подошёл к Айрис.

— В управление уже позвонили два местных канала. Кто-то выложил видео, как натягивают ленту.

— Что сказали?

— Что в саду нашли человеческие останки. Про ребёнка пока не знают.

— Пока.

— Закроем улицу?

— Нет оснований. Поставь машину у переуллка и дежурство на ночь. Никого на участок не пускать, включая хозяев.

— Они уезжают в отель.

На крыльце Оуэн грузил чемоданы в машину. Ханна стояла рядом с Сэди, держа её за плечо. Девочка прижимала к

груди ведро с зелёными орехами.

— Это им зачем? — спросил Харпер.

— Не хочу знать.

Перед отъездом Ханна подошла к Айрис.

— Вы позвоните сегодня?

— Если появится новая информация.

— То есть нет.

— Скорее всего, нет.

— А завтра?

— Начнём в семь.

— Я могу приехать?

— На участок вас не пустят.

— Это мой участок.

— Ваш муж уже пробовал этот аргумент.

— И?

— У него тоже не получилось.

Ханна посмотрела на дом.

— Сэди думает, что мы больше сюда не вернёмся.

— Почему?

— За последние одиннадцать лет мы семь раз переезжали. Она привыкла, что если взрослые пакуют сумки, значит, место закончилось.

Айрис ничего не ответила. Людям часто хотелось услышать, что дом им вернут, дело быстро раскроют, мёртвые получают имена, а ребёнок перестанет бояться. Такие обещания хорошо звучали и почти никогда не зависели от полиции.

— Возьмите из отеля чек, — сказала она. — Возможно, понадобится для страховки.

Ханна усмехнулась.

— Очень обнадеживает.

— Зато пригодится.

Коулы уехали в восемь двадцать. Через пятнадцать минут на Хоторн-лейн появились первые журналисты.

Айрис провела ночь не в саду, а в управлении. Проверила документы на дом, историю продаж и разрешения на работы. Вейлы купили участок в 1987 году. До них дом три года стоял пустым после смерти прежнего владельца. Серьёзных перестроек сада в городских записях не было. Оранжею зарегистрировали в 1993-м. Новый забор — в 1996-м.

По первым документам получалось, что возможные останки либо уже находились в земле, когда Вейлы въехали, либо появились там во время их проживания.

Диапазон пока был слишком широким, чтобы делать выводы.

В половине одиннадцатого Айрис позвонила Джудит Вейл.

— Детектив Белл, — узнала та. — Ханна уже сообщила. Это правда?

— Подтверждено, что найдена человеческая кость.

Джудит выдохнула.

— Ребёнок?

Кабинет напротив пустовал.

— Почему вы так решили?

— Ханна сказала, что кость маленькая. Она была очень расстроена.

— Мы пока не установили возраст.

— Конечно. Простите.

На заднем плане послышался голос Филипа.

— Филип рядом? — спросила Айрис.

— Да.

— Поставьте громкую связь.

В трубке зашуршало, затем Джудит сказала:

— Мы оба вас слышим.

— Мне нужно уточнить историю дома. Вы купили его в 1987 году?

— Да.

— До продажи жили постоянно?

— Постоянно, — ответил Филип. Голос у него был низкий и спокойный. — За исключением ремонтов. В девяносто втором мы четыре месяца снимали квартиру, пока меняли отопление.

— Кто-нибудь ещё жил в доме в период с 1987 по 2026 год?

Возникла короткая пауза.

— Гости, — сказала Джудит. — Родственники. Женщины из центра иногда оставались на ночь, когда им было некуда идти.

— Центр открылся в девяносто четвёртом.

— Я помогала женщинам и раньше.

— Кто-нибудь жил дольше нескольких дней?

Филип ответил первым:

— Одна семья.

— Какая?

— Филип, — тихо сказала Джудит.

— Полиция всё равно должна знать.

Айрис взяла ручку.

— Расскажите.

— Это было давно, — сказала Джудит. — В начале девяностых. Женщина с двумя детьми. Мы позволили им пожить в доме несколько недель.

— Как её звали?

— Я не помню.

— Вы пустили женщину с детьми в свой дом и не помните имени?

— Тогда таких женщин было много. Не в нашем доме, конечно. В моей жизни.

— Мальчик и девочка? — спросил Филип у жены.

Айрис перестала писать.

— Да, — ответила Джудит. — Кажется, мальчик был старше.

— Откуда приехали?

— Она не хотела говорить.

— От кого скрывалась?

— От мужа или партнёра. Я никогда не требовала подроб-

ностей, если женщина боялась.

— Как долго они жили у вас?

— Недели две. Может, меньше.

— Что произошло потом?

— За ней приехал мужчина.

— Тот, от которого она скрывалась?

— Думаю, да.

— Вы вызвали полицию?

В трубке раздался тихий вдох.

— Она сказала, что всё уладила и хочет уехать с ним.

— И вы отпустили женщину с детьми?

— Детектив, мне было двадцать девять лет. Центра ещё не существовало. Я не умела делать всё правильно.

В её голосе впервые появилась резкость. Не громкая, но живая.

— Как мужчина нашёл дом? — спросила Айрис.

— Не знаю.

— На какой машине приехал?

— Не помню.

— Вы видели, как семья уехала?

— Филипп видел.

— Это так? — спросила Айрис.

— Да, — сказал он. — Я помог вынести сумки. Мужчина был раздражён, женщина плакала, дети сидели на заднем сиденье. Они уехали вечером.

— Дата?

— Лето девяносто первого, — ответил Филип. — Точнее нужно смотреть документы.

— Какие документы?

— Мы оформили краткосрочную аренду. За символическую сумму. Тогда я считал, что бумага защищает обе стороны.

— Договор сохранился?

— Возможно. Архив после переезда ещё не разобран.

На экране: лето 1991 года. Через четыре года после покупки дома. За два года до строительства оранжереи.

— Никто из вас не подумал об этой семье, когда Ханна сказала о кости?

— Подумали, — ответил Филип.

— Почему не позвонили сами?

— Потому что мы не знали, человеческая ли она. И потому что та семья уехала.

Джудит снова заговорила:

— Вы считаете, что в саду может быть один из тех детей?

— Я пока ничего не считаю. Найдите договор и не трогайте остальные документы. Завтра я пришлю сотрудника или приеду сама.

— Мы можем приехать к дому? — спросила она.

— Зачем?

— Это наш дом.

Айрис посмотрела на телефон.

— Уже нет.

На линии стало тихо.

— Простите, — сказала Джудит. — Я понимаю. Просто мы прожили там почти сорок лет. Хочется увидеть всё своими глазами.

— Утром возле дома будет пресса.

— Я привыкла к прессе.

— А участок закрыт.

— Мы не станем мешать.

Айрис записала последние слова разговора и завершила вызов.

До полуночи она проверила все дела о пропавших детях в округе за период с 1987 по 1995 год. Подходящих по возрасту пар не нашлось. Поиск по всему штату требовал больше данных, чем «мальчик старше девочки».

Она уехала домой в час двадцать, приняла душ и легла, не включая свет.

В четыре сорок семь проснулась от сообщения Наоми.

«Начинаем в 6:30. Привези кофе. Не тот мусор из автомата».

Айрис ответила:

«У тебя слишком высокие требования к человеку, который видел тебя в одноразовом комбинезоне».

Наоми поставила под сообщением поднятый средний палец.

К половине седьмого сад выглядел иначе.

Над участком поставили большой белый навес. Землю

разделили на квадраты тонким шнуром. Рядом стояли столы с инструментами, контейнеры для образцов и сита. Вдоль стены дома проложили дорожку, чтобы никто не разносил грунт по участку.

Наоми приняла кофе, прочитала надпись на стакане и посмотрела на Айрис.

— Овсяное молоко?

— Ты сама просила.

— Я просила нормальный кофе.

— Ты написала «не мусор из автомата». Юридически я выполнила требования.

— Вот поэтому люди не любят полицию.

Работа шла медленно.

Сначала освободили челюсть и позвонки. Под ними обнажились рёбра, часть позвоночника и кости рук. Тело лежало на боку, колени были подтянуты к груди. Через грудную клетку пророс толстый корень.

— Первичное захоронение, — сказала Наоми.

— Тело положили здесь?

— Да. Скелет анатомически связан. Его не перенесли после разложения.

— Возраст?

— Ребёнок. Примерно от девяти до одиннадцати. Точнее после осмотра зубов и длинных костей.

— Пол?

— По детскому скелету надёжно не скажу. ДНК, если со-

хранится.

— Сколько лет в земле?

— Несколько десятилетий. Здесь кислая почва, сохранность плохая. Не требуй дату до обеда.

Рядом с тазом показался тёмный кусок ткани. Чуть ниже техник обнаружил маленький металлический предмет, но Наоми велела оставить его на месте до полной фиксации.

Айрис фотографировала общий вид и записывала каждую находку. Старое детское захоронение не обязательно означало убийство. Люди тайно хоронили младенцев, скрывали несчастные случаи, переносили старые семейные могилы и делали ещё десятки вещей, о которых потом не хотели рассказывать.

Но ребёнок девяти—одиннадцати лет под деревом в жилом саду уже требовал очень хорошего объяснения.

Около девяти у калитки появился Харпер.

— У нас гости.

На улице стояли Джудит и Филип Вейлы.

Айрис узнала Джудит сразу. Серебристые волосы, светло-голубая рубашка, спокойное открытое лицо. Она держала поднос с четырьмя стаканами и бумажный пакет. Филип стоял рядом с коробкой документов под мышкой.

За их спинами журналистка поправляла микрофон.

— Они привезли завтрак, — сказал Харпер.

— Конечно.

— Пустить?

Айрис посмотрела на участок.

— Только на крыльцо.

Джудит передала кофе Харперу и подошла к Айрис.

— Спасибо, что разрешили приехать.

— Вы привезли договор?

Филип поднял коробку.

— И ещё несколько документов по дому. Страховки, старые счета, разрешения на ремонт.

— Оставьте всё закрытым. Мы составим опись.

Он кивнул.

Джудит посмотрела в сад. Отсюда под навесом ничего нельзя было разобрать, только спины людей в белых комбинезонах.

— Это действительно ребёнок?

— Да.

Она прижала пальцы к губам.

Айрис видела разные варианты горя. Громкое, полезное для камер. Тихое, которое человек потом не мог вспомнить. Злость, смех, пустоту. Реакция Джудит выглядела настоящей. Это ничего не доказывало, кроме того, что она умела чувствовать.

— Я должна была вспомнить о той семье сразу, — сказала она.

— Почему не вспомнили?

— Потому что я была уверена, что они уехали.

— Как звали детей?

— Не знаю.

— Мальчик был старше?

— Да.

— Примерно десять лет?

Джудит закрыла глаза.

— Возможно.

Филип положил ладонь ей на спину. Не обнял. Просто удерживал руку на одном месте.

— В коробке есть договор, — сказал он. — Там должны быть имена.

— Когда вы видели его в последний раз?

— Лет двадцать назад. Может, больше.

— Но нашли за одну ночь.

— Я аккуратно храню документы.

На крышке коробки чёрным маркером было написано: «ХОТОРН-ЛЕЙН. АРЕНДА / РЕМОНТ / СТРАХОВАНИЕ».

— Очень аккуратно.

Из сада позвала Наоми:

— Айрис.

Тон был спокойным. Слишком спокойным.

Айрис надела бахилы и вернулась под навес.

Наоми стояла возле соседнего квадрата. Один из техников держал кисть над землёй и не двигался.

— Что?

Наоми показала вниз.

Сначала Айрис увидела только корни. Потом — тонкую светлую кость, лежавшую параллельно первому скелету. Ещё одну. Меньше.

Техник снял верхний слой почвы.

Показался край второго черепа.

Айрис посмотрела на Наоми.

— Ещё один?

— Да.

— Ребёнок?

— Младше первого.

За навесом Джудит спрашивала у Харпера, можно ли чем-нибудь помочь. Филип молчал.

Наоми присела возле второго захоронения.

— Они лежат рядом, — сказала она. — В одной яме.

Айрис смотрела на две маленькие фигуры, постепенно проступавшие из земли.

Вчера Коулы купили дом.

Сегодня в его саду нашли не потерянную кость и не старую семейную тайну.

Там были двое детей.

ГЛАВА 4. ХОРОШИЕ ЛЮДИ

В девять тридцать две утра телефон Ханны завибрировал. Звонила Айрис Белл: в саду нашли второго ребёнка.

Ханна сидела на краю гостиничной кровати и смотрела, как Сэди пытается приготовить вафлю в аппарате, который Оуэн притащил из зала для завтраков. Аппарат не включался без карточки, но дочь уже трижды открыла крышку, словно надеялась застать электричество врасплох.

— Второго? — переспросила Ханна.

Оуэн перестал искать розетку.

— Останки лежат в одной могиле, — сказала Айрис. — Трент считает, что второй ребёнок младше. Больше пока ничего надёжного.

— Насколько младше?

— Она не закончила осмотр.

— Мальчик или девочка?

— Не установлено.

— Как давно они там?

— Предварительно — несколько десятилетий.

Сэди закрыла вафельницу.

— Нашли ещё одного?

Ханна отвернулась к окну.

— Вы уже сообщили Вейлам? — спросила она.

— Они были у дома утром.

— Зачем?

— Привезли документы и кофе.

Даже Айрис произнесла это так, словно не знала, что из двух было страннее.

— Джудит сказала вам про жильцов?

— Да.

— Значит, это могут быть те дети?

— Могут. Также это могут быть другие дети. Пока у нас нет имён.

— А договор?

— Мы его получили.

— И?

— И он существует.

— Вы всегда отвечаете так, чтобы у человека появилось ещё пять вопросов?

— Это профессиональное.

Ханна закрыла глаза.

— Когда мы сможем вернуться домой?

— Сегодня — нет. Завтра тоже маловероятно. Нам нужно расширить зону осмотра и проверить остальную часть сада.

— Остальную — это всю?

— Ту, которая может относиться к захоронению.

— Очень успокаивает.

— Я не пытаюсь вас успокоить.

Это хотя бы было честно.

— Дом тоже будут обыскивать?

— Сейчас оснований нет. Но доступ в подвал останется закрыт из-за траншеи и возможного перемещения грунта.

— Наши вещи там.

— Составьте список необходимого. Сотрудник принесёт.

— Я сама могу зайти?

— Под сопровождением, если ничего не изменится.

Сэди стояла рядом и слушала. В руках она держала неразогретую вафлю.

— Не при ребёнке, — тихо сказала Ханна.

— Я вас поняла.

— Поздно.

Айрис помолчала.

— Миссис Коул, я предпочитаю, чтобы вы узнали это от меня, а не из новостей.

Ханна посмотрела на телевизор. Он работал без звука. Внизу экрана ползла красная строка: «ВОЗМОЖНЫЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ОСТАНКИ НАЙДЕНЫ В САДУ БРАЙ-АР-ГЛЕНА».

— Спасибо, — сказала она. — Мы почти успели.

Она завершила вызов.

— Двое? — спросил Оуэн.

Ханна кивнула.

Сэди села на соседнюю кровать.

— Они лежали вместе?

— Да.

— Значит, они знали друг друга.

— Скорее всего.

— Брат и сестра?

— Мы не знаем.

— А вдруг они обнимались?

Оуэн положил вафельницу на пол.

— Сэди, давай пока не будем это придумывать.

— Я не придумываю. Я спрашиваю.

— Откуда мы знаем, как они лежали?

— Детектив сказала, что вместе.

— Вместе может означать рядом.

— Рядом тоже вместе.

Ханна подошла к дочери и забрала у неё вафлю.

— Ты завтракала?

— Папа принёс яйца. Они мокрые.

— Это омлет.

— Омлет не должен блестеть.

— В гостинице должен.

Сэди посмотрела на неё.

— Ты опять меня отвлекаешь.

— Да.

— Плохо получается.

— Я только учусь.

На экране появилась фотография их дома.

Снимали с противоположной стороны улицы. В кадре были служебные машины, жёлтая лента и кусок белого навеса над садом. Репортёр стоял у калитки и говорил в микрофон.

Звук оставался выключенным, но Ханна и без него понимала содержание. Дом. Кости. Дети. Полиция. Больше ничего пока не знали, поэтому одно и то же можно было повторять каждые пятнадцать минут, меняя порядок слов.

В правом верхнем углу показали фотографию Джудит Вейл.

Снимок взяли с сайта центра. Джудит стояла перед светлой стеной, чуть повернув голову, и улыбалась так, словно фотограф находился не по другую сторону камеры, а рядом с ней.

Титр под фотографией гласил: «ПРЕЖНЯЯ ВЛАДЕЛИЦА ДОМА — ИЗВЕСТНАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНИЦА».

Оуэн взял пульт и выключил телевизор.

— Спасибо, — сказала Ханна.

— Я не из гуманизма. Если они покажут наш фасад ещё раз, я начну видеть новые трещины.

Телефон Ханны завибрировал.

Пять пропущенных вызовов. Три неизвестных номера. Сообщение от женщины, которая реставрировала семейный архив в Балтиморе и спрашивала, успеет ли Ханна закончить фотографии к пятнице. Ещё одно — от риелтора.

«Увидела новости. Мне очень жаль. Я ничего об этом не знала».

Следом пришло второе:

«Пожалуйста, не говорите журналистам, что агентство было уведомлено».

Ханна показала экран Оуэну.

— Хорошо, что она уточнила, о чём именно нам нельзя говорить.

— Не отвечай.

— Я хочу спросить, кем агентство было уведомлено.

— Ханна.

— Хорошо.

Она всё равно сохранила сообщение.

Оуэн открыл шторы.

На парковке гостиницы стоял белый фургон местного телеканала.

— Они нашли нас.

— Может, приехали к кому-то другому.

Из фургона вышел оператор с камерой.

— Конечно, — сказал Оуэн. — Здесь проходит ежегодный съезд людей, которые только что нашли детей под деревом.

Телефон снова завибрировал.

На этот раз звонила Джудит.

Ханна несколько секунд смотрела на имя.

— Ответь, — сказал Оуэн.

— Почему ты не хочешь?

— Потому что звонят тебе.

— Очень зрелая позиция.

— Спасибо.

Она приняла вызов.

— Ханна, простите, что беспокою. Айрис сообщила вам?

— Да.

— Я даже не знаю, что сказать.

— Похоже, сегодня это у всех.

— Как Сэди?

Ханна посмотрела на дочь. Та сидела на кровати, обняв колени, и рассматривала ковровое покрытие.

— Слышит больше, чем мы хотим.

— Дети всегда слышат именно это.

— Вы вспомнили ту семью?

— Всю ночь пыталась. Отдельные моменты. Голос женщины. Красную куртку девочки. Но имена не возвращаются.

— В договоре они есть.

— Филипп передал коробку полиции.

На парковке оператор поставил камеру на плечо. Рядом появилась репортёр в красном жакете.

— Джудит, журналисты нашли гостиницу.

— Какую?

Ханна назвала.

— Не выходите через главный вход.

— Мы и не собирались.

— Они зайдут внутрь. Администратор не сможет долго их удерживать.

— Обнадёживает.

— Я пришлю машину.

— Куда вы предлагаете ехать?

— В центр. Через служебный вход. Там есть охрана и ком-

наты для конфиденциальных встреч. Никто вас не увидит.

Ханна посмотрела на Оуэна.

— Мы не можем прятаться в центре для женщин, которым действительно нужна защита.

— Вы не займёте ничьё место. Речь об административном здании.

— Мы справимся.

— Ханна, вы провели первую ночь в доме, а вторую — в гостинице, окружённой прессой. Вы не обязаны сегодня ещё и справляться красиво.

Фраза попала точно туда, куда не следовало.

Ханна села.

— У Оуэна машина на парковке.

— Оставьте её. За вами приедет обычный минивэн без логотипа. Водителя зовут Кэрол. Спускайтесь по лестнице в конце коридора, она выходит к мусорным контейнерам.

— Вы часто так вывозите людей из гостиниц?

— Чаще, чем хотелось бы.

— Мне нужно поговорить с мужем.

— Конечно. Машина будет через двадцать минут.

Джудит отключилась.

— Ну? — спросил Оуэн.

— За нами пришлют минивэн.

— Звучит как начало похищения.

— Учитывая последние сутки, я уже ничему не удивлюсь.

— Куда?

— В центр.

Сэди подняла голову.

— В тот, где женщины прячутся от мужей?

— В административную часть.

— Папу пустят?

— Если будет хорошо себя вести.

Оуэн посмотрел на Ханну.

— А если серьёзно?

— Здесь уже камера.

Из коридора донёсся стук в соседнюю дверь. Потом ещё в одну. Женский голос спросил:

— Миссис Коул? Мы хотели бы задать несколько вопросов.

— Очень деликатно, — сказал Оуэн.

Ханна подошла к двери и посмотрела в глазок. Репортёр стояла возле номера напротив и разговаривала с пожилым мужчиной в майке. Тот с удовольствием показывал на их дверь.

— Собираемся.

— Мы уже собраны.

— Тогда впервые в жизни переезд принёс пользу.

Они вышли через лестницу для персонала. Коридор пах стиральным порошком и горячим металлом. Сэди тащила сумку с единорогом, Оуэн — чемоданы, Ханна держала ноутбук и пакет с гостиничными яйцами, которые никто не съел.

— Зачем ты их взяла? — спросил Оуэн.

— Я заплатила за номер.

— Яйца уже отомстили нам своим видом.

— Они ещё могут пригодиться как оружие.

У мусорных контейнеров их ждала женщина лет шестидесяти в джинсовой рубашке. Она открыла боковую дверь серого минивэна.

— Я Кэрол.

— Вы часто забираете семьи возле мусора? — спросила Сэди.

— Только по четвергам.

— Сегодня среда.

Кэрол посмотрела на часы.

— Значит, у меня проблемы.

Сэди впервые за утро улыбнулась.

До центра ехали двенадцать минут. Кэрол не задавала вопросов и не включала радио. На заднем стекле минивэна висела детская наклейка с динозавром, а между сиденьями лежала коробка с пластиковыми браслетами.

Центр «Безопасное место» занимал бывшую католическую школу на окраине Брайар-Глена. Красное кирпичное здание окружали клёны и низкий металлический забор. На фасаде не было огромной вывески, только небольшая табличка возле двери. Камеры смотрели на парковку, боковую аллею и ворота.

Район вокруг центра начинался за последним светофором

главной улицы. Здесь дома стояли дальше друг от друга, тротуар местами заканчивался просто травой, а за бывшей школой поднимался заросший холм. С дороги здание можно было принять за начальные классы или церковный архив. Так и было задумано. Женщина могла выйти из автобуса, пройти вдоль забора и не объяснять каждому проезжавшему, зачем пришла.

Но город всё равно знал. В аптеке возле кассы стояла банка для пожертвований с тем же маленьким знаком двери. В больнице сотрудников учили не произносить адрес центра по телефону. Школьные секретари хранили отдельные инструкции для детей, которых нельзя было отдавать отцу, даже если он улыбался и называл правильную дату рождения. «Безопасное место» существовало не только в этом кирпичном здании. Оно проросло в город тонкими служебными правилами, чужими номерами в телефонных книгах и людьми, которые однажды согласились не задавать лишних вопросов.

Ханна раньше не думала, сколько человек требуется, чтобы кто-то мог исчезнуть. Теперь её собственную семью провозили через служебные ворота, и это знание перестало быть отвлечённым.

Кэрол въехала через служебный проезд.

Внутри их встретила сотрудница охраны. Она попросила убрать телефоны, выдала временные пропуска и провела по коридору мимо закрытых кабинетов.

На стенах висели детские рисунки. Дома, солнце, собаки, люди с руками разной длины. Почти на каждом доме была дверь. Некоторые дети рисовали её огромной, во всю стену. Другие — маленькой и без ручки.

Сэди замедлила шаг.

— Здесь живут дети?

— Не в этом здании, — ответила сотрудница. — Здесь они разговаривают со специалистами, пока мамы заняты.

— А где живут?

Женщина улыбнулась.

— Там, где безопасно.

Сэди посмотрела на Ханну, но промолчала.

Их разместили в комнате с диваном, столом и окном во внутренний двор. На подоконнике стояли коробки с салфетками. Слишком много для обычной переговорной.

Через несколько минут принесли кофе, сок, воду и новые зубные щётки.

— У нас есть зубные щётки, — сказала Ханна.

— Где? — спросил Оуэн.

— В чемодане.

— В каком?

Ханна посмотрела на два одинаковых чемодана.

— Берём.

Сэди нашла коробку с настольными играми. Достала «Монополию», посмотрела на родителей и вернула.

— У нас и так проблемы с недвижимостью.

Оуэн сел на диван.

— Точно моя.

Ханна открыла ноутбук. На почте было двадцать семь новых писем. Семь от журналистов. Один предлагал деньги за эксклюзивную фотографию участка. Другой спрашивал, чувствовала ли семья «присутствие детей» до находки.

— Вот этот особенно талантливый, — сказала она.

— Не читай.

— Он хочет знать, слышали ли мы детский смех.

Сэди подняла голову от пазла.

— Я смеялась.

— Напишем, что призрак установлен, ему девять лет и он требует зарядку от планшета.

— Я не призрак.

— Поэтому зарядка подождёт.

Оуэн открыл на телефоне местную группу.

— Нас уже обсуждают.

— Закрой.

— Ты сама читаешь письма.

— Это исследование.

— Тогда и я исследую.

Он повернул экран.

В группе «Брайар-Глен: соседи и новости» опубликовали фотографию дома. Под ней было больше двухсот комментариев.

«Как можно было не знать, что у тебя в саду могила?»

«Новые владельцы сразу пригнали экскаватор. Совпадение?»

«Они уничтожили дерево, которое Вейлы растили сорок лет».

«Моя сестра получила помощь в „Безопасном месте“. Оставьте Джудит в покое».

«Дом надо вернуть Вейлам. Эти люди купили его вчера и уже всё разрушили».

Ханна забрала телефон.

— Почему они решили, что мы напали на Джудит?

— Потому что интернету нужен человек, которого можно ненавидеть до обеда. После обеда выберут другого.

— Здесь написали наш адрес гостиницы.

Оуэн выпрямился.

— Покажи.

Комментарий появился четыре минуты назад.

«Они прячутся в „Мэйпл-Инн“. Видела их машину».

Ниже кто-то уже выложил фотографию их номерного знака.

— Прекрасно, — сказал Оуэн. — Теперь оставлять машину там особенно разумно.

Ханна сделала снимок экрана.

— Позвоним в полицию.

— И что скажем? Люди знают, где мы припарковались?

— Что опубликовали номер.

— Это пока не преступление.

— Ты откуда знаешь?

— Потому что последние двадцать минут читаю комментарии адвокатов, врачей и экспертов по захоронениям. Я уже получил образование.

Дверь открылась.

Джудит вошла с папкой под мышкой. Сегодня на ней были тёмные брюки и простой серый кардиган. Без камеры и баннера она казалась старше, чем на фотографии в новостях.

— Простите, что заставила ждать.

— Вы нас спасли от гостиничных яиц, — сказала Ханна.

— Этого достаточно.

— Они правда настолько плохие?

— Мы взяли их с собой. Можете использовать для охраны.

Джудит улыбнулась и села рядом с Сэди.

— Что собираешь?

— Дом.

На столе лежали части пазла. Красная крыша, голубые окна, белый забор.

— Красивый.

— У него пока нет двери.

— Найдём.

Сэди перебрала детали.

— А если её вообще не положили в коробку?

— Тогда производитель получит очень сердитое письмо.

— Вы умеете писать сердитые письма?

— Это половина моей работы.

— А вторая?

Джудит посмотрела на неё.

— Помогать людям понять, что делать дальше.

— Вы знаете, что нам делать?

Ханна напряглась.

Джудит не стала отвечать сразу.

— Сегодня — поесть, поспать и не читать комментарии.

Завтра будет видно.

— Это мама тоже говорит, когда не знает.

— Значит, твоя мама умная.

— Она иногда.

— Спасибо, — сказала Ханна.

Сэди нашла деталь с дверью и вставила её в дом.

— Нашла.

— Я же говорила, — ответила Джудит.

Оуэн поднялся.

— Мне нужно забрать вещи из машины, пока её не разобрали на сувениры.

— Филип поехал туда с сотрудником охраны, — сказала Джудит. — Машину перегонят на закрытую парковку.

— Он уже поехал?

— Вы были заняты.

Оуэн посмотрел на Ханну.

— Очень эффективная семья.

— Это пугает только первые десять минут, — сказала

Джудит.

— А потом?

— Потом люди начинают пользоваться.

Она предложила им две комнаты в небольшом гостевом корпусе при учебном центре. Там иногда ночевали волонтеры и приглашённые специалисты. Адрес не публиковался, вход контролировала охрана.

— Мы заплатим, — сказал Оуэн.

— Там нет тарифа.

— Тогда сделайте.

— Вы можете пожертвовать центру, когда перестанете платить за дерево и дренаж.

— Вы уже знаете про дренаж?

— Филип разговаривал с Майком. Он помогал нам с ремонтом одного из объектов.

Оуэн потёр переносицу.

— Конечно.

— Что?

— В этом городе все знают всех, а мы пока знаем только людей, которым должны деньги.

Джудит достала из папки лист.

— Филип посмотрел вашу страховку. В полисе есть покрытие экстренного проживания, даже если ущерб от дренажа исключён. Вам должны оплатить гостиницу или временное жильё до снятия полицейских ограничений.

— Страховая сказала обратное, — ответила Ханна.

— Страховые компании часто говорят первое, что позволяет завершить разговор.

— Я начинаю вас любить.

— Не торопитесь. Сначала получите деньги.

Ханна взяла лист. Филип отметил нужный пункт и написал рядом номер отдела претензий.

— Он читает чужие страховые полисы для отдыха?

— Для него это отдых.

— А вы чем отдыхаете?

— Не читаю страховые полисы.

Сэди ушла с Кэрол смотреть комнату с игрушками. Оуэн отправился звонить страховщику. Ханна осталась с Джудит.

За окном во внутреннем дворе женщина учила маленького мальчика ездить на велосипеде. Она держала его за капюшон, мальчик кричал, что сам, но каждый раз начинал вилять, как только её рука отпускала ткань.

— Они живут здесь? — спросила Ханна.

— В переходной квартире неподалёку.

— Муж знает адрес?

— Нет.

— Вы уверены?

— Настолько, насколько можно быть уверенной. Здесь нет абсолютной безопасности. Есть хорошие замки, продуманные маршруты и люди, которые отвечают на телефон ночью.

— Звучит менее красиво, чем на баннере.

— Зато работает.

— Та женщина из вашего дома тоже скрывалась от мужа?
Джудит опустила глаза на свои руки.

— Да.

— Вы сказали полиции, что не помните её имени.

— Не помню.

— Но помните красную куртку девочки.

— Иногда остаются бессмысленные детали.

— Какие ещё?

Во дворе мальчик снова крикнул, что справится сам.
Только тогда Джудит ответила:

— Мальчик всегда садился спиной к стене. Во время еды следил за окнами. Если на улице хлопала дверь машины, переставал жевать.

Ханна вспомнила тёмный провал возле корней.

— Сколько ему было?

— Десять. Может быть, одиннадцать.

— А девочке?

— Семь или восемь.

Возраст совпадал слишком хорошо.

— Они спали в комнате Сэди?

— Скорее всего. Тогда там стояли две кровати.

— Почему они жили у вас, если вы ещё не открыли центр?

— Я работала волонтером на телефонной линии. Иногда официальная помощь была слишком медленной. Иногда женщина могла уйти только один раз. Если в этот момент ей говорили ждать до понедельника, второго раза уже не случа-

лось.

— И вы привезли её домой?

— Она приехала сама.

— С детьми.

— Да.

— А потом пришёл муж.

Джудит провела пальцем по краю папки.

— Филип сказал, что мужчина вёл себя спокойно. Такие часто умеют. Женщина плакала, но настаивала, что хочет уехать. Мы не могли удерживать её силой.

— Вы вызвали полицию?

— Нет.

— Почему?

— Потому что поверила ей.

— Или ему?

Джудит подняла глаза.

— Ей. Именно поэтому мне до сих пор стыдно.

В коридоре хлопнула дверь. Кто-то быстро прошёл мимо комнаты.

— Если это их останки, — сказала Ханна, — значит, они никуда не уехали.

— Я знаю.

— Филип видел машину?

— Да.

— Детей внутри?

— Он так помнит.

— А вы?

— Я была в спальне. Женщина не позволила мне выйти. Сказала, что если мужчина увидит меня, станет хуже.

— И вы послушались?

— Мне было двадцать девять.

— Вы это уже говорили Айрис.

— Потому что это правда.

Ханна сразу пожалела о тоне. Джудит не обязана была отвечать ей. Не обязана была присылать машину, искать комнаты, разбираться со страховкой и сидеть рядом, пока в саду её бывшего дома выкапывали детей.

— Простите.

— Не за что. Вы задаёте те вопросы, которые я задаю себе с утра.

— Почему договор аренды?

— Идея Филипа. Если мы официально сдавали комнату, женщина могла получать почту и подтверждать адрес, не называя себя гостьей. Он всегда верил в документы.

— Даже если имён не помнит?

— В договоре они будут.

Ханна посмотрела на дверь, которую Сэди вставила в пазл.

— Айрис сказала, что пока ничего не установлено.

— Она права.

— Вы ей доверяете?

— Да. Айрис не станет выбирать красивую версию только

потому, что она удобнее.

— Вы хорошо её знаете?

— Центр сотрудничает с полицией. Она приводила к нам женщин. Иногда сама. Иногда через сотрудников.

— Тогда почему вчера она смотрела на вас так, словно вы принесли кости вместе с кофе?

Джудит улыбнулась.

— Потому что это её работа. Если однажды она перестанет так смотреть, я начну волноваться.

В комнату вошёл Филип.

Он был в той же белой рубашке, что и на закрытии сделки, только без пиджака. В одной руке держал ключи от машины Коулов, в другой — коричневый бумажный пакет.

— Машина на парковке, — сказал он. — Кто-то написал на капоте маркером. Я стёр большую часть.

Оуэн появился за его спиной.

— Что написали?

Филип посмотрел на Джудит.

— Ничего важного.

— Если написали на нашей машине, я решу, важно или нет, — сказала Ханна.

Он протянул ей телефон.

На фотографии был виден белый капот. Чёрным маркером поперёк него вывели: «ОСТАВЬТЕ ДОМ В ПОКОЕ».

Ниже кто-то добавил: «ОН НЕ ВАШ».

— Очень убедительный аргумент, — сказала Ханна.

Оуэн увеличил снимок.

— Камеры гостиницы?

— Охрана запросила запись, — ответил Филип. — Полицию тоже уведомили.

— Почему вы стёрли?

— Маркер начал въедаться в краску.

— Это теперь доказательство.

— Я всё сфотографировал. И оставил участок возле номера нетронутым.

Оуэн посмотрел на него.

— Вы всегда такой?

— Какой?

— Подготовленный.

— Стараюсь.

Филип поставил на стол пакет.

— Здесь вещи, которые вы просили забрать из дома. Зарядка Сэди, лекарства, одежда. Сотрудник полиции сопровождал меня, всё внесено в список.

— Вы были в нашем доме? — спросила Ханна.

— Только в коридоре. Вещи собирал помощник шерифа.

Он достал сложенный лист с подписью Харпера.

Всё было правильно. До неприятного правильно.

Сэди вернулась через несколько минут и сразу схватила зарядку.

— Я знала, что вы хорошие люди, — сказала она.

Филип едва заметно улыбнулся.

— Из-за зарядки?

— В основном.

Джудит посмотрела на часы.

— Через полчаса я должна сделать заявление для прессы.

— О детях? — спросила Ханна.

— О том, что центру известно о расследовании.

— Вам обязательно?

— Если я промолчу, другие решат, что именно означает моё молчание.

— Что вы скажете?

— Правду. В саду дома, где мы прожили много лет, обнаружены останки двух детей. Мы сотрудничаем с полицией и хотим, чтобы им вернули имена.

— И про нас?

— Что вы не имеете к этому отношения.

— Полиция ещё не говорила, что мы подозреваемые.

— Интернет уже вынес решение.

Пресс-конференцию устроили перед главным входом. Коулы смотрели трансляцию из комнаты на телефоне Оуэна.

Джудит стояла за небольшой кафедрой. Рядом с ней находились Филип, директор программы и начальник местной полиции. Камеры выстроились полукругом.

— Этот дом был нашим почти сорок лет, — сказала Джудит. — Сегодня мы узнали, что всё это время рядом с нами находились дети, лишённые не только жизни, но и имён.

Ханна заметила, как Филип повернул голову. Всего на се-

кунду.

— Мы передали следствию все имеющиеся документы и будем помогать столько, сколько потребуется. Я также прошу оставить в покое семью Коулов. Они обнаружили останки случайно, во время необходимых работ. Благодаря им эти дети наконец смогут вернуться к своим именам.

Журналист поднял руку.

— Миссис Вейл, вам известно, кем могли быть погибшие?

— Мы сообщили полиции всё, что смогли вспомнить.

— Правда ли, что в начале девяностых вы сдавали комнату женщине с двумя детьми?

— Да.

В комнате стало тихо.

Сэди сидела на полу, подключая планшет. Оуэн смотрел на экран. Ханна вдруг поняла, что держит его за руку.

— Вы подозреваете её мужа? — спросил другой журналист.

— Я никого не подозреваю. Для этого существует полиция.

— Вы считаете себя ответственной за то, что произошло на вашей земле?

Джудит посмотрела прямо в камеру.

— Если женщина просит убежища, а потом исчезает вместе с детьми, человек всегда будет спрашивать себя, сделал ли достаточно.

Ответ был хорошим. Не слишком гладким, не оборони-

тельным. В комментариях под трансляцией уже появлялись сердечки.

— Она умеет, — сказал Оуэн.

— Что?

— Говорить так, чтобы человек слышал именно то, что ему нужно.

— Это её работа.

— Я знаю.

После заявления Джудит вернулась в комнату. Она выглядела уставшей.

— Теперь вас будут защищать, — сказала она Ханне. — Некоторое время.

— А потом?

— Интернет найдёт новую жертву.

Оуэн поднялся.

— Нам пора в гостевой корпус.

Филип взял один из чемоданов.

— Я помогу.

— Мы справимся, — сказал Оуэн.

— Уверен.

Филип всё равно понёс чемодан.

Гостевой корпус находился в десяти минутах езды, за учебным зданием центра. Это был небольшой дом на четыре комнаты с общей кухней. Чистый, тихий и совершенно безликий. На стенах висели фотографии мостов, выбранные человеком, который никогда не переходил ни один из них.

Сэди заняла комнату у лестницы. Оуэн проверил окна и замки. Ханна поставила ноутбук на кухонный стол.

— Неплохо, — сказал он.

— Бесплатно, тихо и без детских могил под окном.

— Не говори так при Сэди.

— Я сказала тихо.

— Она слышит пыль в соседней комнате.

Снаружи хлопнула автомобильная дверь.

Оуэн подошёл к окну.

— Филип уехал.

— Я несу, — сказал Оуэн и взялся за ручку чемодана.

Ханна вышла на крыльцо забрать сумку, оставшуюся возле двери.

На перилах лежал белый конверт.

Она решила, что его оставил Филип. Возможно, ещё одна страховка, список телефонов или документ, который он успел прочитать за других людей.

На конверте не было имени.

Адрес корпуса нигде не публиковали. Значит, тот, кто оставил конверт, либо имел доступ к внутренним адресам центра, либо проследил за ними от дома.

Внутри лежала распечатанная фотография дома на Хортон-лейн. Снимок сделали утром, уже после установки белого навеса. В кадре был сад, жёлтая лента и Сэди у окна второго этажа.

Лицо дочери обвели чёрным маркером.

На обратной стороне написали четыре слова:
«ОСТАВЬТЕ МЁРТВЫХ В ЗЕМЛЕ».

ГЛАВА 5. ТРИ КЛЮЧА

Фотографию Сэди сделали из сада. Айрис поняла это, как только Ханна передала ей конверт: на снимке девочка стояла за окном второго этажа. Камера находилась ниже и немного левее, примерно там, где до удаления дерева проходила каменная дорожка.

— Когда это появилось? — спросила Айрис.

— Вчера вечером. Мы приехали в гостевой корпус около пяти. Конверт уже лежал на перилах.

— Кто знал, где вы будете жить?

— Джудит, Филип, сотрудники центра. Кэрол, которая нас привезла. Наверное, охрана.

— Полиции адрес сообщали?

— Айрис, мы не скрываемся по программе защиты свидетелей.

— Я спросила не поэтому.

Ханна стояла на кухне гостевого корпуса в тех же джинсах, что и накануне. Волосы она собрала карандашом. На столе остывал кофе, рядом лежал ноутбук с открытой почтой. В комнате пахло подгоревшим хлебом.

Оуэн сидел у окна и листал телефон. Сэди наверху смотрела мультфильм достаточно громко, чтобы слышать разговор взрослых и притворяться, что не слышит.

— Мы сказали Харперу, куда едем, — ответил Оуэн. —

Он записал адрес для страховки.

— Ещё кто-нибудь?

— Журналисты могли проследить за машиной центра.

— Ваша машина оставалась у гостиницы.

— Они могли ехать за минивэном.

Айрис положила фотографию на прозрачный пакет.

Лицо Сэди обвели чёрным маркером. Нажимали сильно.

На обратной стороне написали: «ОСТАВЬТЕ МЁРТВЫХ В ЗЕМЛЕ».

Буквы были печатными, разного размера. Бесполезный способ скрыть почерк, которому люди доверяли сильнее, чем следовало.

— Конверт трогали? — спросила она.

— Я. Потом Оуэн.

— Филип?

— Он уехал раньше.

— Джудит?

— Она не приезжала.

— Кто-нибудь из сотрудников заходил на крыльцо?

— Кэрол принесла постельное бельё. Но до того, как мы нашли конверт.

Айрис посмотрела на Ханну.

— Вы нашли его сразу после приезда?

— Нет. Минут через сорок. Мы разбирали вещи.

— За это время возле дома кто-нибудь появлялся?

— Я не видела.

— Камеры есть?

— На главном здании. Здесь только у въезда.

Оуэн оторвался от телефона.

— Филип сказал, что поставят временную камеру.

— Когда?

— Сегодня.

— Хорошо. До установки никого не пускайте внутрь, кроме сотрудников, которых знаете.

Ханна скрестила руки.

— Мы здесь именно потому, что адрес якобы безопасный.

— Он безопаснее гостиницы, где ваш номер выложили в открытой группе.

— Очень высокая планка.

Айрис достала второй пакет и пинцет.

— Мне нужен маркер, если он у вас есть.

Ханна показала на конверт.

— Я не писала.

— Я верю. Но нужно исключить бытовые совпадения.

Оуэн принёс из комнаты Сэди набор фломастеров. Чёрный оказался почти высохшим и пах виноградом.

— Не этот, — сказала Айрис.

— Жаль. Дело было бы раскрыто за три минуты.

— Иногда люди стараются облегчить нам жизнь.

Она упаковала конверт отдельно.

— Фотографию могли распечатать с видео или публикации?

— В новостях Сэди у окна не показывали, — ответила Ханна. — Я проверила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.